

Режим доступа: <http://ognikuzbassa.ru/category-45y-wuk/163-zapadnosibirskie-sny-1?showall=&start=11>;
<http://ognikuzbassa.ru/category-45y-wuk/185-zapadnosibirskie-sny-2>

Содержание материала

- [Западносибирские сны](#)
- [Чтобы тропа не стала дыбом!.. - стр.2](#)
- [Чтобы тропа не стала дыбом!.. - стр.3](#)
- [Чтобы тропа не стала дыбом!.. - стр.4](#)
- [Чтобы тропа не стала дыбом!.. - стр.5](#)
- [Чтобы тропа не стала дыбом!.. - стр.6](#)
- [Такой же, как прежде](#)
- [Такой же, как прежде? - стр.2](#)
- [Такой же, как прежде? - стр.3](#)
- [Такой же, как прежде? - стр.4](#)
- [Такой же, как прежде? - стр.5](#)
- [Такой же, как прежде? - стр.6](#)
- [Все страницы](#)

Страница 1 из 12

«Чтобы тропа не стала дыбом!..»

...Стоял январь шестьдесят девятого года, жестокий январь. Зима в Сибири случилась не только снежная, но и с морозами, которых, говорили тогда, давно не было.

Ещё с осени я запасся лицензией на отстрел лося - для всей нашей компании. Наиболее опытные в ней на ту пору охотники, сибиряки от рождения, а не по записи в комсомольской путевке, нет-нет да вели громкие разговоры о том, что умные люди - как?.. Убьют лося, но егерю не спешат об этом докладывать, никому вообще - ни гу-гу... Из тайги без лишнего шума вынесли, в машине хорошенько забросали какими-нибудь деревенскими дарами-приобретениями: нечего положить, что ли? И кедровый орех да шишка нешелушенная, и соленый чебачок в полиэтиленовых мешках, и груз дочки - в таких же. Сухие грибы и рамки с медком, всякие там травки-муравки... Сверху пара зайчишек, пяток рябков, охотничья амуниция да лыжи. Или вон поближе к новому году: не повезло, братан, дак хоть елок набрали - ты уж за порубку прости, друг! И если только докопается егерь, найдет под спудом разделанную лосиную тушу - ну, тогда: да вот же у нас на него лицензия, вот! Где не надо - глазастый, а тут слепой, что ли?!

И таким вот макаром добывают на одну лицензию и двух лосей, и трех, а то, бывает, и пять... На каком поймаются, столько, значит, и вывезли, дальше - стоп.

Как понимаю, кое-кто из дружков потихоньку готовил меня примерно к такому же варианту... Леонтич, мол? Всем можно, а нам - нельзя?!

Тем более тебе - для личного опыта. В книжке потом напишешь, как в штаны подпускал, когда седьмого вывозили... да чего уж седьмого - постараться, дак можно и десять взять: вон сколько нас, да к каждому ещё придут сперва на свежатинку, а потом на пельмешки - впереди праздники!.. Ты вспомни, вспомни, сколько у самого у тебя народу перебивало, когда мы завалили медведицу!

С медведицей этой, и правда.

Пошли, считай, прогуляться, рябка погонять, а дед Савелий, у которого мы всегда останавливались, - взглянуть на дорогу, по которой сенцо с покоса придется перевозить, а заодно проверить капканы, и тут вдруг впереди собаки как взвизгнули, как стали в рыке захлебываться - дед сразу: зверь!.. Похватили их за ошейники, подальше оттащили, брючными ремнями собрали в сворку, привязали в пихтарничке, а дед уже смахнул пятиметровую елку, обрубывал на ней толстые сучки таким образом, чтобы поглубже в отдушину берлоги «по шерсти» вошла, а вытолкнуть обратно, уже «против шерсти» мишка её не смог...

- Не ошибся, Савелий Константинович? - спрашивали его сдавленными голосами.

- Учились ба лучше, как заломка готовится...

- Это заломка, дедушка?

- Не карандаш чай - слегка потолще, однако, будет! Реплика, ясно для кого...

Как самого якобы меткого стрелка поставил он меня за толстой сосной напротив берлоги... дед-дед!

Вспоминая ту пору, сегодня думаю, что после всех случившихся с Россией потрясений мы все, потерявшие стольких близких, как бы заново искали тогда родственного тепла... Не парадокс ли: еще достаточно громко звучали речи о классовой борьбе, но всем это успело уже достаточно остобриндеть, люди как бы уже успели между собой, где за чайком, а где - за бутылкой, договориться, на все высокие слова плевали с колокольни, которая была в народном сознании ещё выше... Тайное, как тихая милостыня, прощение уже поселилось в душах и незаметно начало утверждаться официально... Может, все эти громкие слова о покаянии для того потом и понадобились, что время, когда старые раны ещё можно было разбередить, уходило почти стремительно?

Дед Савелий чего только не пережил, в каких только не побывал передрягах. Твердый характер и недюжинный ум сделали его личностью настолько неординарной, что после, встречая людей знаменитых, не только на всю страну - на весь мир прославленных, я не без грусти думал: нет-ка, ребятки, нет - за дедом Шварченко вам не угнаться! Не только в тайге...

Под стать ему была и «баушка» Марья Евстафьевна, тоже, как и её «сам», каких только чалдонских премудростей мне не открывшая.

В крошечное сельцо Монашка на горной речке Средняя Терсь, к ним «на Монашку» мы заявлялись, само собою, с «городскими» гостинцами: с гречкой, с крупами, с сахарком, с банками сгущённого молока, с шоколадом, с конфетами... Жена непременно передавала ей традиционные косынки с платками, хитро завернутое в отрезы ситца да фланели бельишко, и радостное «баушкино» восклицанье: «Чем же буду рашшытываца?!» стало у нас в семье живущим уже и среди детей шутливым присловьем...

На самом-то деле это я у них остался в неоплатном долгу.

Что касается моего «соколиного» глаза, легенду эту придумал Савелий Константинович и сам же её потом щедро подпитывал: помогал самоутверждению кубанского казачка в

сибирячестве. На самом деле стрелял я весьма посредственно, станичные охотники надомною посмеивались, особенно перепелятники.

Теперь-то, из нынешнего дня, когда за ружье берешься только для того, чтобы с места на место переложить, или, бывает, понимающему человеку показать сработанную ещё в позапрошлом веке известным мастером Иваном Прушей старинную «гусятницу» восьмого калибра, к которой подходят обточенные гильзы от авиационного пулемета «ДШК», «Дегтярев-Шпагин-Калашников», перепелиная охота представляется жестокой забавой, но тогда... Может, ещё и потому, что перепёлок в то время было «немерено»?

В конце августа, когда у них начинался перелет, вдруг проносился слух, что за станицей опять они наткнулись на «линию», попадали, и люди до сих пор с земли подбирают... Тянувшаяся вдоль шоссеиной дороги на Армавир «линия», и правда, была тогда как некое воздушное ограждение: на каждом телеграфном столбе - по три, по четыре поперечных перекладины, на каждой перекладине - десяток «чашечек»-изоляторов. Стремительно летевшие ночью стаи разбивались о пучок проводов, птахи падали и не все потом снова могли взлететь.

Первыми замечали их, как правило, шоферы идущих по трассе грузовиков, наскоро подбирали рядом с машиной сами, со встречными водителями «переказывали» знакомым, и за станицу спешили и женщины с кошелками, и посланная матерями ребятня. Сперва подбирали раненых перепелок обочь дороги, потом радиус поиска увеличивался: со сломанным крылом, с перебитой лапкой бедные птахи все продолжали расползаться и время от времени, передохнув, вновь начинали судорожно копошиться в траве.

Была тогда и такая охота...

Но главная начиналась, когда в бурьяны между катавалами, растянувшись длинной цепочкой, выходили с собаками записные перепелятники... может, сам я потому-то и мазал, что в основном, раскрыв рот, глядел на это действие, в котором неизвестно чего было больше: либо терпеливого мастерства, либо азарта?

Как рыскали облепленные репьями трудяги сеттеры, как старались умницы спаниели!.. Среди жесткого шебаршания их в ломких, подсохших травах раздавался вдруг фурчащий швырок, пробивающий заросли отчаянный птичий подпрыг, отзывавшийся в тебе мгновенным подпрыгом сердца... Частенько они взлетали парами, согласное биенье крыльев рядком отдаляло перепелок стремительно, но как преображались при этом стрелки!.. В движениях какого-нибудь для всей станицы служившего посмешищем тюхи вдруг появлялась не только ловкость - появлялось изящество, о котором скажи ему - тоже уронит челюсть.

Может быть, в этот миг на моих не очень проворных в обычной жизни, часто неповоротливых, как сам я, земляков нисходил витающий в этих краях над местами былых сражений пыл лихого джигитства или не уступавший ему когда-то казачий дух?!

Так же, как два фырка, один за другим раздавался четкий дуплет из какого-нибудь доисторического ружья, которое чудом от выстрела не разваливалось, но обе птахи неминуемо падали...

Они набивали, бывало, по три, по четыре десятка, на сколько у кого хватало патронов - это выстрелы из моей новенькой двустволки, в подарок полученной в Сибири после пуска первой домны «от администрации, парткома и постройкома» то и дело гремели впустую:

хорошо, если к концу охоты у меня набиралось две-три перепёлки. Само собой, что станичники скидывались, чтобы и у меня стало десятка два, но насколько это число уступало количеству достававшихся мне при этом подначек!

Здесь, на Средней Терси, зимой перед вечером мы с дедом на лыжах возвращались однажды домой, когда он окликнул меня, идущего впереди:

- Мотри, Лявонтич, мотри!..

«Напересек» нам, как обычно говаривал дед, довольно высоко летела крупная копалуха, и я перебросил ружьё из левой в правую, вскинул стволы.

- Она перед нами сядет, - успел сказать дед. - Однако удобней стрелять будет, погодь-ка...

Но я уже успел нажать на курок, копалуха рухнула камнем, глубоко пробив снег.

Может, меня джигитский дух разыскал наконец в далекой Сибири?.. Или это уже шла помощь от кузнецких татар, от их божка Кирмизека, подаренного мне в столице Горной Шории, в Мысках, все ещё живущих по своему - мысковскому времени?

Правда и то, что копалуха летела медленно, как тяжелый бомбардировщик, летела жертвенно, почти торжественно - на стволы, но как наставник мой Савелий Константинович радовался, с каким жаром рассказывал потом о моем метком выстреле приехавшим через неделю забирать меня из тайги моим товарищам!

И все-таки через много лет после неожиданной нашей охоты на медведя я с насмешливой горечью понял, что за сосной тогда напротив берлоги дед поставил меня вовсе не для того, чтобы я наконец сдал экзамен: он берёт меня, потому что к экзамену был я как раз ещё не готов...

Все случилось почти мгновенно: дед с силой вогнал заломку в берлогу, она, как пробка, вылетела обратно, над лазом возникла медвежья голова с задранными вверх лапами - все это с рычащим гневным захлёмом, тут же прерванным почти слитным залпом.

Самое непостижимое было, как дед, только что положивший в ноги ружьё, чтобы обеими руками сунуть заломку, успел подхватить его и выстрелить первым.

Установилась тишина, держа ружья наготове, стали медленно подступать к берлоге, а в ней вдруг послышался легкий топот... неужели оглушили, и только?

История эта в общем-то грустная: и раз, и другой в берлогу снова выстрелил каждый, но внизу там кто-то все топотал...

Разглядели наконец в полутьме неподвижную тушу, расширили лаз, и один из нашей компании спустился в берлогу, накинул веревочную петлю на переднюю лапу. С великим трудом вытащили зверя на истоптанный снег, и когда уже сидели на нём с ружьями на коленях, отдыхали и заодно фотографировались, из берлоги вылез, привстал на задние лапы и пошел к нам второй медведь...

Только потом, когда, тоже мертвый, лежал рядом, разглядели, что был он куда поменьше: пестун.

Мать с сыночком зазимовала недалеко от тихой Монашки, а тут и появилась наша братия с комсомольской, значит, с ударной стройки и из стольких беспощадных стволов по безмятежной зимой таежной жизни ударила...

Но это ведь все потом - и гнетет совесть, и подступает раскаяние, когда через много лет вспоминаешь, до чего только что освежеванная медвежья лапа на руку на человеческую похожа и будто тянется к тебе на окровавленном снегу: мол, что ж ты, писатель-гуманист?

Страница 2 из 12

Добрый сказочник...

А тогда доставшиеся мне при дележе около двух пудов мяса комсомольцы-добровольцы смели тут же, но поток идущих домой к нам «на медвежатину» не только не иссякал, наоборот - с каждым днем увеличивался. Городская газета «Кузнецкий рабочий» дала крошечную заметку о том, как на охоте повезло молодому писателю: попался не один медведь - сразу два. Доброхоты и пересмешники передавали друг другу, что идти с одной бутылкой к писателю поэтому неудобно, тоже надо непременно - с двумя, и я, обязательно рассказывая всякому новому гостю, как всё на охоте произошло, не только вскоре охрип, но и еле ворочал языком. Речь мою, начинавшуюся с выразительного: «Значь, так» в конце концов записали на магнитофон, и в ответ на очередную просьбу живописать медвежью охоту я только молча нажимал клавишу... Но что было делать с вожделенной, которой всем так хотелось отпробовать, медвежатиной?

Каждое утро я шел на маленький базарчик в нашем поселке, ещё студентом, приехавшим на преддипломную практику, потрясший меня чисто сибирским изобилием: изжелта-белые круги заледеневшего молока один на другом - пять литров в нижнем круге и всего «поллитерка» в верхнем, - мороженые пельмени в мешке, мерзлые, с негнуцимися лапами, непотрошенные зайцы... Но отступала, отступала теперь Сибирь-матушка перед мощными ножами бульдозеров, норовивших отрезать наше светлое будущее от проклятого прошлого.

Случалось, на базаре не было уже и картошки, не то что мяска - приходилось на автобусе полтора часа трястись в город: не станешь каждый день кланяться «козлик» у кого-либо из руководящих дружков. К тому же мероприятие это скрытное, тайная, можно сказать, операция: купить и свинины, и говядины, чтобы к вечеру, будучи через мясорубку пропущенным, и то, и другое превратилось в самую настоящую «медвежатину»...

- Местные-то... кержачки... говорят, что прошлое лето было грибное да ягодное, - расслабленно рассуждал потом за столом кто-нибудь из старых дружков, почему-либо опоздавших с визитом в первые после нашей удачной охоты дни. - А сладости особой... в мясе-то у «хозяина тайги», а?.. У прокурора. Сладости от ягод не чувствуешь... Зато кедр, а?.. Что там ни говори, кедрой-то от котлет сильно потягивает... припахивают кедрой, а?

Но, может, на Новокузнецком базаре мне, и действительно, всякий раз попадались куркули, кормившие свиней либо коров исключительно кедровым орехом?!

А, может, это на нашем ликеро-водочном, нарушая всякие санитарные нормы, её, проклятую, давно уже гнали исключительно из «кедры»?

Но, видно, кончилась для нашей компании полоса удач, наступила пора невезения...

От постоянного переключивания из кармана в карман лицензия моя уже успела слегка замуслиться, а лось нам все так и не попадался.

- Ходить не умеют, снег под имя больно хробостит, - объясняла «самому» Марья Евстафьевна наши неудачи. - Он-те слышит издаля и бегит, даже на вид не подпускает. Чево его теперь ноги бить? Пока мороз не отпустит - нечева!

И дед соглашался:

- А ить праильна, баушка, трактуешь. И что удивительно? С Лявонтичем суду ясно, он южный человек, на лыжах не ходил отродясь, упадёт с ружьем головой в сугроб - гул с разлома на Монашке слышать, как потом стволы продувает. Но остальные-то поди с путцами на ногах родились!

Не везло в тот сезон не только нашей компании. Говорили, что лось, чужую жестокую зиму в отрогах Кузнецкого Алатау, задержался в алтайской тайге, кормится пока там, и неизвестно, придет ли потом на юг Кузбасса, в Горную Шорию... Срок отстрела продлили почти на месяц, по пятое февраля, но третьего я должен был уезжать в Кемерово, чтобы оттуда лететь в Москву: в «Спутнике» меня включили в группу, которая впервые отправлялась в Австралию - до этого наши туристы там не бывали.

Конечно же, в те годы жизнь меня баловала.

В специальном номере областной газетки «Даёшь домну!», заменившей в горячие предпусковые дни, накануне раздачи орденов и ценных подарков, «зачуханный» наш «Металлургстрой», бывший всего-то «органом парткома и стройкома», 28 июля 1964 года сообщалось о двух, как, надеюсь, вы понимаете, почти что равнозначных событиях: первая домна Западно-Сибирского металлургического завода дала наконец чугун, а вашего покорного слугу в Союз писателей приняли.

Будто нарочно случилось, что вышедший в Кемерове мой первый роман «Здравствуй, Галочкин!» - конечно же, «ещё пахнувший типографской краской», конечно, так! - сам я тоже впервые увидел в клубе «Комсомолец» на торжественном вечере, посвященном первой плавке.

Ясное дело, книга «про нас» на какое-то время вытеснила в поселке другое чтение, знакомые и незнакомые приставали ко мне с традиционными, доводившими до белого каления вопросами о прототипах, а некоторые, проявляя инициативу и фантазию куда побогаче авторской, сами прямо-таки назначали себя прототипами и в соответствии с тем, прообразом какого героя он сделался - положительного либо отрицательного - всякий такой самоназначенец либо радостно теперь бросался ко мне, завидев на улице, долго тряс руку и уверял, что «за ним не заржавеет», либо с мрачным лицом, с суровой мордой заранее переходил на другую сторону и отворачивался.

С кем-нибудь из обиженных, бывало, я пробовал объясниться. Буквально отлавливал, когда тот пробовал исчезнуть в толпе и, заранее понимая, в чем дело, в лобешник, что называется, спрашивал: откуда, мол, взял, что я про тебя не так написал? Почему ты решил? И где оно в книге это место, где я тебя «вывел», - ну, покажи!

- Помнишь, у тебя там один ночью кирпичи крал? - испытывающе глядел на меня обиженный.

- Ты-то при чём?

- А за что меня на товарищеском суде разбирали? Кабутто ты не знал...

- Да в самом деле не знал!

- Ты?.. Не знал?!

В автобусе, который ходил в город, народу в любое время суток было тогда битком, но однажды добираться пришлось в такой тесноте, что вдохнуть-выдохнуть в салоне можно было, и в самом деле, лишь по коллективному договору... Но именно тот рейс больше всех остальных запомнился мне ощущением счастья, которого до того не испытывал.

Обеими пятернями вцепившись в верхний поручень, гнулся над читавшим книжку краснорожим толстяком, о крутое плечо которого напиравшие сзади пытались раздавить нижнюю половину моего несчастного тела... Спротивляться я уже перестал, будь что будет, и с точностью передающего устройства всякий очередной толчок аккуратно пропускал на краснорожего... ишь: девчонки, бедные, давятся, а он устроился с книжечкой!

И вдруг, когда опять наклонился над ним, увидал: читает моего «Галочкина»!

Неволью я как бы подтянулся, потом слегка склонился над ним уже нарочно: ну, точно, точно!..

Да как читает внимательно!

С превеликим усилием мне сперва удалось смягчить в себе действие передающего механизма, свести его работу до минимума, а когда парень, явно откликаясь на происходившее в книжке, недоверчиво нахмурился, но почти тут же расплылся в довольной улыбке, я принялся, напрягаясь до дрожи в руках и ногах, оберегать его, и чем беспощадней становилась давка в автобусе, тем больше «мой читатель» казался мне хрупким интеллектуалом, угнетаемым жестокой равнодушной толпой...

Когда перед остановкой уже в центре поселка он, спохватившись, глянул в окно и торопливо завернул треугольничком край страницы, я положил дрожавшую от напряжения пятерню на обложку и негромко признался:

- Моя книга!

Сбросив мою руку, он уже начал было вклиниваться в толпу, но деловито остановился, с интересом спросил:

- А по морде?..

Через четыре десятка лет я написал маленький рассказик «Гамбургский счет», байку, в которой запоздало предполагал: а не было ли это тогда оценкой художественных достоинств моего «Галочкина»?

Но вроде бы нет, нет: далекий от официальной критики Владимир Николаевич Турбин, во времена студенчества шефствовавший над нами в газете «Московский Университет», где напечатан был когда-то мой первый рассказ, в очередном своем «молодогвардейском»

обзоре поставил «Галочкина» выше книг Виля Липатова и Василия Аксенова, оговорившись, правда, при этом: не хватает, мол, автору литературного опыта, в книге как бы видны еще не снятые после создания романа леса - к его бы знанию жизни да писательское мастерство!

Но как, скажите мне, без лесов, если столькое в моей жизни было с ними в то время накрепко связано!

Где же, как не там перекурить с бригадиром каменщиков Володей Ивановым, якобы горлопаном, приехавшим на нашу ударную стройку за длинным, само собою, рублем, на самом деле - с великим правдоискателем?.. Как на них стремительно не взлететь, чтобы не успели разбежаться девчонки, только что отпускаявшие сверху шуточки в адрес «прессы» вообще и ответственного секретаря газетенки «Металлургстрой» в частности? Как...

Да что там, что там!

В пятьдесят девятом мы называли себя «деревянными мальчишками», объясню потом, почему. Четверка друзей: комсорг стройки Слава Карижский, бывший секретарь одного из райкомов Москвы, главный механик нашей жилищно-коммунальной конторы, тоже москвич Юра Лейбензон, «главный сдергиватель», как говорил о нем поднимавший сжатую пятерню у плеча и тут же выразительным рывком - ясно, что после этого из сливного бачка над унитазом должна была вода хлынуть! - опускавший её Геннаша Емельянов, редактор многотиражки, мой шеф, и я, многогрешный...

Все мы были до этого женаты и уже как бы нет, у всех у нас - кроме в городе жившего Геннаши, которого и первое, насчет жен, тоже тогда ещё не касалось - была однокомнатная квартира, и часто кто-нибудь на два-на три месяца уступал её кому-то из «остро нуждающихся», какой-нибудь многодетной семье или одинокой, приехавшей в командировку на стройку журналистке, а сам перебирался жить к товарищу... к «товарищу по этому делу », как любил говорить, щелкая пальцем по горлу, легендарный лейбензоновский слесарь Петро Дериглазов, чья жена готовила ну совершенно потрясающую пучеглазку ... Пройдет четыре десятка лет, в августе 91 -го в Москве мне позвонит Карижский, который как раз в это время, по-моему, после долгого пребывания на посту генерального директора Госцирка СССР получит генеральскую должность в Главном таможенном управлении, и я закричу ему в трубку: «Как здорово, что ты позвонил!.. Не сходить ли нам тоже к Белому дому, Слава?.. Я слышал, там всем желающим щедро раздают пучеглазку !..»

«Не телефонный разговор», - сказал он скороговоркой и тут же стал о чем-то другом.

Из «деревянных» мальчишек потихоньку перешли в «тряпошные»? Или все это в нас было уже тогда?

Однажды - из квартиры моей на четвертом этаже только что выехал несколько месяцев проживший в ней экскаваторщик Женя Орлов - все трое собрались пожить у меня, а тут как раз начался ремонт, дом забрали в леса, и мы ударили по рукам: запираем дверь на замок и ключ отдаем соседям. Разве не должны мы делить с остальными общие трудности?.. Должны! Поэтому - всё: из дома и в дом к себе ходим исключительно по лесам, влезая через окошко. Кто войдет в дверь - тот «ставит».

Довольно долго правило это и днем и ночью соблюдалось неукоснительно, но после того как ранней зарей одного из нас, тяжело подбитого Бахусом на комсомольской свадьбе

знатного сварщика, чуть не вся эта свадьба несла домой на руках, и леса затрещали, стали крениться и чуть не рухнули, - правило это пришлось отменить: для коллективных, с тяжелой ношей, походов хлипкие, сооруженные наскоро леса были все-таки не совсем приспособлены...

Тут, пожалуй, самая пора рассказать ещё об одном читателе моего «Галочкина»...

В конце лета шестьдесят четвертого года я спешил на второй этаж «Юности», только что открытого молодежного кафе-стекляшки, и на лестнице носом к носу, что называется, столкнулся с первым секретарем кемеровского обкома партии Афанасием Федоровичем Ештокиным... Теперь-то, через столько лет, можно всякое предположить: может быть, ему понравился обед, которым только что угощало его наверху наше городское руководство, может быть... Но почему не предположить, что ему, и в самом деле, понравился мой роман?

Невысокий и плотный, с насмешливыми в ту минуту глазами - заступил дорогу молодому писателю! - Ештокин деловито протянул мне руку, и я оторопело пожал её, но он не спешил отпускать мою ладонь.

- Хорошо, что увидел тебя, - сказал запросто. - Молодец: отличную книгу написал!

Я что-то такое пробормотал - мол, спасибо! - а он повел головой на окружавший нас на лестнице свой синклит из пяти-шести человек:

- Надеюсь, все уже прочитали?

Как помню, возникло некоторое замешательство, которое Ештокин, поглядывая на молчавших своих соратников, нарочно, как понимаю теперь, продлил, потом, отпуская руку, весело сказал мне:

- Ничего-ничего, теперь они непременно прочтут... Не знаю, что потом скажут, а я тебе повторю: молодец... только знаешь что? - и он посерьезнел. - Сам ты куда торопишься?.. В кафе! Посмотри, какое красивое получилось, какое светлое... тебе почему-то именно тут с дружками посидеть хочется, разве не так?

Чего ж не так, если Геннаша наверху там уже заждался?

Конечно, я разводил руками, кивал, а он будто вовсе не выговаривал мне - он как бы вместе со мною размышлял:

- А где твой Мишка Галочкин, вспомни, пьет? То на стройке... где-то посреди штабелей кирпича. То чуть ли не в подъезде... всё в каких-то мрачных местах. Ты же любишь его, это видно, болеешь за него - ну, так хоть чуть пожалей! Хочу, чтоб ты понял: мы и так тут в Кузбассе живем, бывает, не очень весело, а если это ещё и специально нагнетать да подчеркивать... Если у людей ещё и надежду отобрать? Вот на этот счет, я прошу тебя, ты подумай... он ведь тоже мечтает о красоте, твой Мишка, а ты его знаешь и любишь - вот ты ему первый и помоги!

Разговор этот запомнил почти дословно, с ним все ясно, а вот о последствиях его я потом размышлял годами, и чем старше и опытней становился, тем яснее мне делалось, сколько он в моей жизни определил, этот доброжелательный, отеческий разговор на виду у всех, от каких бед прикрыл, сколькому потом помог сбыться.

- Скучно живешь, писатель! - сказал мне как-то первый секретарь новокузнецкого горкома комсомола Виталий Вьюшин. - Пьешь там в тепляках со своими монтажниками, в этих собачьих будках... Кроме стройки да поселка, любимой своей Антоновской площадки, почти ничего не видишь. Надо бы тебе на большой мир посмотреть... Решили отправить тебя в Канаду... надеюсь, не будешь возражать?

Конечно, мы с ним дружили, для меня он давно был Витя Пьюшин, но при существовавшем тогда порядке вещей разве бы Витя принял такое решение единолично?

- Да ведь это сумасшедшие деньги! - чистосердечно воскликнул я, узнав, что за путевку мне придется выложить «Спутнику» шесть с половиной тысяч.

- Папа Володя готов за тебя заплатить, - в чуть небрежной своей манере опять сказал Вьюшин. - Надеюсь, тоже не против?

«Папа Володя» - Владимир Григорьевич Толчинский, управляющий трестом «Сибметаллургмонтаж», начальник тех самых «ухорезов», в чьих «собачьих будках», бывало, и правда что... бывало, бывало!

И кабы только в них...

Но я о другом: «Папа» прошел войну танкистом, на Курской дуге участвовал в том страшном сражении под Прохоровкой, был ранен, чудом выжил и, глядя теперь на грохочущую металлом, брызжущую сваркой работу своих орлов-высотников, притворно ворчал: мол, «устроили Прохоровку»!

Был он специалист высокого класса, не ронявший себя на оперативках да рапортах ни перед каким начальством, был строг, когда следовало, и был всегда готовый работяге помочь, добряк, которого за это беззаветно любили, прощая и громкий, бывало, крик, и артистический, на хорошем фольклорном уровне, мат... Папа, Папа! Родной Владимир Григорьич! Как жалею теперь, что слишком поздно взялся говорить прямым текстом - не сразу, отцы, наука ваша дошла до меня, тем более, что дело мое, что там ни говори, все же особое... И заботы ваши с трудами праведными, и неординарные поступки, и черты ваших характеров недюжинных, и даже черты лица раздал я своим «собирабельным» героям под другими, под выдуманными фамилиями... Стольких и стольких это касается, но, как говорится, особь-статья, - сибирские наши морозоустойчивые евреи, сибиряки наши - и Нухман Абрам Михалыч, первый начальник стройки, и начальник соседней - Казского рудника, Генрих Генрихович Биншток, и управляющий наш Марк Семенович Неймарк, собиравший нас, молодых спецов, для дружеских бесед в первые, самые тяжелые годы стройки... Сколько чисто русских характеров вылепил потом я из их непростых еврейских судеб, но это оправдано, оправдано: живя среди русаков - да ещё каких, ещё где! - вы делали всё, чтобы перед нами в грязь лицом не ударить, всегда брали на себя самую тяжелую ношу, но ведь так оно, по хорошему-то, и должно быть!

Страница 3 из 12

Со всеми нами. Всегда. И - везде.

Разве не пригодилась мне потом ваша школа, когда тоже оказался в чужом краю: в Адыгее?

Наверняка потом вспомню ещё кого-то, какой же это Кузбасс без евреев, это как в том анекдоте, помните?.. Звонок раздается: «Совнархоз?» - «Совнархоз!» - «Отдел?» - «Отдел, да!» - «Пригласите Когана к телефону!» - «Но у нас нет Когана!» - «Какой же это отдел - без Когана?!»

Но мы пока о «Папе» Толчинском, об одном из самых ярких представителей морозоустойчивых наших «сибираков».

- Ручку-то хоть привези! - только и сказал «Папа», подписывая мне счет в бухгалтерию.

Привез ему две, потому что на обратном пути из Канады мы четыре дня были ещё и в Бельгии.

И вот теперь - Австралия, и решение «финансовой проблемы» - а это уже одиннадцать тысяч! - взял на себя начальник городской станции скорой помощи татарин Леня Рамзанов... ну, то есть не то чтобы на себя. По просьбе горкома комсомола - на станцию, одну из самых крупных тогда во всем Союзе, самых современных, потому что много, ой, много было у неё тогда тяжелой работы в нашем «городе угля и стали»... где ты сегодня, Леня? Как нынче выживаешь? Со своим неперменным оптимистическим присловьем: «Будь жив!..»

«Скорая помощь», в общем, помогла также и вполне здоровому молодому писателю: тогда у неё хватало средств даже на это.

Когда собрались перед вечером старые товарищи, чтобы проводить меня кемеровским поездом в далекую, значит, Австралию, когда я уже вручил им затрепанную лицензию вместе с просьбой непременно оставить лосятины и на мою долю, меня отозвал в сторонку душевный друг Слава Поздеев, работавший тогда начальником цеха водоснабжения.

- Я бы тебе, Лявонтич, давно рассказал, - заговорил, называя меня на манер деда Шварченко, как с легкой его руки повелось в охотничьей нашей компании. - Если бы не наши живорезы... Лявонтич, думаю, не выдержит, проговорится ещё на радостях, а от них всего можно... знаешь, где сейчас лось бродит?.. Целое семейство. След в след... По заводу они ходят. По нашему с тобой родному Запсибу...

- Брось ты? - сказал я наше тогда обычное.

- А вот слушай. С тобой же мы встречали в тайге на зимнике глухарей?.. Когда на «танке» на этом шли, на вездеходе? С тобой! Дорога через токовище прошла - куда им деваться? Они все равно на дороге и токуют. И тут так: лосиная тропа шла, видать, с горы через Костино болото... К Томи. Представляешь?.. Теперь это, считай, мимо доменного... и вот морозной ночью дым, пар, огонь до неба, а они идут себе - и по асфальту, и по железнодорожным путям...

- Да ладно тебе, не может быть!

- Сам не поверил, если бы не видал собственными глазами. Первый - сохач. «Сам»!.. Красавец!.. Рога в куржаке - ну, как из чистого серебра. Лосиха за ним. Два подростка... А замыкают «корова» и «бык» поменьше... но тоже на рогах куржак, скажу я тебе - картинка. Вернёшься из Австралии, покажу тебе... а нашим рассказывать не буду. Мало ли?.. Это у нас с тобой рука не поднимется, - и с захлебом, как мальчишка, вздохнул. - Что

значит зов крови, а?.. Что такое - старые тропы!.. Через центр завода!.. Пошел за ними. «Белаз» показался с рудой - замерли, ждут, пока пройдет. Состав шлаковозый просигналил, тронулся - опять ждут. Что мы с тобой, Лявонтич, с этой стройкой тут понаделали, а?

- Пошли! - сказал я растроганно. - Ещё по одной: за зов крови! И за старые тропы. Тост поднимем, а рассказывать - никому не расскажем...

Надо ли объяснять, как я и в самом деле растрогался: среди родных мне людей. Перед такую дальней поездкой.

Мы уже опаздывали, и кто-то из друзей стал звонить в город, на вокзал и категорически требовать, чтобы задержали пассажирский на Кемерово: а то писатель с Запсиба не успеет в Австралию.

Поезд не только на пятнадцать минут задержали, но и по громкоговорителям объяснили причину... нет, правда-правда. Что тогда - каждый день из Новокузнецка, из нашей чумазой Кузни, уезжали в Австралию?..

Когда он тронулся, наконец и я вышел в тамбур, эта тема среди курильщиков как раз и обсуждалась: можно ли из-за какой-то суки целый состав задерживать?.. Или все же нельзя?

Мне стало стыдно, я тут же признался, что «сука» - это я, но не такая я сука... Достал из кармана одиннадцать тысяч и попытался, не глядя кому сколько, раздать. С возмущенными матерками все дружно отказались от денег, запихивая их обратно в мои карманы, но простосердечный порыв мой не остался без отклика: в окружавшей меня толпе начали дружно скидываться... Из моей раздерганной пачки бережно отобрали на вторую бутылку, и в соседнем Прокопьевске, в Прокопе, гонец наш - самый молодой и самый, конечно, быстрый, у индейцев он наверняка носил бы имя Легкая Нога, Бегущая за Огненной водой - ещё не дождавшись «полной остановки поезда», соскочил с подножки вагона и сломя голову помчался в буфет...

Поезд приходил рано утром, на вокзале я схватил такси, помчался в аэропорт, первым делом выкупил бронированный обкомом комсомола билет, рванул на посадку, которая, думал, уже заканчивалась, но тут сказали, рейс отменен, опять из-за морозов не прибыл «борт» из Москвы, на улице минус сорок семь, ну, куда, и только теперь я понял, почему в здании аэровокзала так пусто, и почему сам я так страшно озяб...

Камера хранения не работала, с чемоданом поднялся в ресторан на втором этаже, где тоже было пустынно, сел поближе к сплошному, с видом на взлетную полосу, во всю стену окну, заказал коньяку, водки не было, заказал традиционный в то время по всем городам и весям Кузбасса салат оливье и бефстроганов с картошечкой-фри...

Сколько с тех пор годочков пронеслось, но до сих пор помню это долгое свое одинокое сидение в пустом и тихом кемеровском аэропорту.

Жизнь вдруг словно остановилась, время замерло, вокруг все замедлилось, как бы именно для того, чтобы можно было не только все хорошенько рассмотреть и проникнуть в сущности, которые до того оставались непостижимыми, но и что-то в неумолимо наступающем будущем предотвратить... В такие минуты будто из рога изобилия на тебя теплым снегом сыплются счастливые откровения, смысл которых ты, может быть, тут же

и позабудешь - только память о них всегда в тебе будет жить и будет без конца щемить сердце - и почти сплошной чередой возникают загадочные знаки, явно тебя о чем-то предостерегающие... но нет, нет!

Сам ты уже словно бессилён что-то решать, безвольно полагаясь на приговор, который тебе выносит в эти минуты рок.

Настывшие за ночь темные, словно из черненого серебра лайнеры, поодаль стоявшие внизу за толстым стеклом закуржавевшего по краям, начавшего индеветь уже посередине окна, похожи были на крупных рыб в студеной воде, на замерших в яме подо льдом на горной речке тайменей, и мысленно, очень хорошо это помню, я вернулся в тихую Монашку среди бескрайних ослепительно белых снегов...

На толстом, из лиственницы косяке у входа в избу дед Савелий прибил снаружи рядом три термометра, в разное время привезенные сыновьями из города, все три они, под стать его наследникам, были с норовом, одно и то же никогда не показывали, и в такие, как эти, холода он с нарочитой задумчивостью переводил взгляд с одного ртутного столбика на другой:

- Какой же из них ныне верно трактует?.. На мишкином сорок восемь, на володькином всего сорок пять... Лешкин однако прав: на ём под полста!

Что там они «трактуют» деду сегодня?

Может быть, потому, что перед этим мне пришлось с моей лицензией от села к селу хорошенько помотаться по окрестной тайге, мне вдруг ярко представилась вынырнувшая из детских книжек картина: предрассветным утром огненно-рыжая лиса на задних лапах уносит, прижимая к груди передними, крупного, с синим да зеленым отливом, петуха, и человеческим голосом на жалобный распев кричит он среди снегов свое безнадежное - «несет меня лиса за дальние леса»... Есть какие-то необъяснимые вещи, есть: как только начинаю вспоминать о той далекой поездке в жаркую, раскаленную в феврале Австралию - сказочный сюжет с лисою и петухом тут как тут.

Давным-давно для меня он сделался знаком, объединяющим прошлое и настоящее с будущим - ну, почему?!

Телефон старого друга Володи Мазаева, вместе с которым мы не раз ездили на Монашку и в чьих рассказах тоже успел поселиться Савелий Константинович со своими тремя термометрами, долго не отвечал: где мог Володя в такую-то холодюку запропасть?

Позвонил Жене Буравлёву, в ту пору - главе Союза писателей в Кемерове... Евгений Сергеевич! - чтобы без сантиментов.

Не знаю, к стыду, какой на твоей могиле стоит памятник... Прими этот крошечный: в несколько строк.

У него была та самая квадратная челюсть, и плечи ей соразмерно соответствовали... Механик-«бортач», летавший в годы войны на «бомбере», один из слепых полетов которого закончился для него приземлением в штрафбате с последующим отбыванием срока уже в мирном, уже в родном сибирском лагере... После лагеря - рудник, всё, как в наших краях тогда и водилось, с той лишь, правда, счастливой разницей, что лошадка, помогавшая ему тащить почти неподъёмные упряжки, с годами в темноте не ослепла, не

превратилась в послушного одра, а сделалась лишь крепче и норовистей, и когда однажды он наконец подъехал на ней к редакции шахтерской газетки в только что начавшем тогда подниматься среди тайги Междуреченске, то чахнувшие над передовыми статьями, давно от чудес отвыкшие сотрудники с радостным изумлением обнаружили, что якобы беспородный сибирский савраска тоже может нести на спине классические легендарные крылья...

К той поре, о которой речь, Женя был на вершине славы.

Считай, всего год назад под патронажем Союза писателей России в Кемерове прошел семинар молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, и вместе с Леонидом Сергеевичем Соболевым, лично возглавившим это неординарное мероприятие, каких только знаменитостей к нам тогда не наехало!

Сам я к этому времени давно - старожилы помнят, что один год засчитывался тогда в наших краях как несколько лет - состоял в Союзе, в Кемерово меня пригласили в качестве одного из руководителей семинара прозаиков, но что я знал тогда, что я мог?

В первый день опоздал на открытие, торопился через гулкое пустое фойе и словно споткнулся перед нацеленным на меня пальцем величественного Ярослава Васильевича Смелякова, только что вышедшего обратно из зала:

- Молодой человек! - произнес он строго. - Не подскажете, где здесь буфет?

- Н-не знаю, - почему-то сказал я впопыхах.

- Тогда объясните, - продолжил он ещё строже и требовательней, - зачем в таком случае пришли сюда?!

Нет-нет, что там ни говори, а столичная школа - она особого рода, и мне, несмотря на громкие мои успехи в провинции, ещё только предстояло её осилить!

Так вот, прошел семинар, на банкете, после которого Соболев взял запястье правой у Буравлёва и вскинул его руку над головой:

- Объявляю тебя победителем, Евгений, - это не только общее доброе дело - твой личный большой успех!

С дружелюбной улыбкой обнял его после благодарственной своей речи Ештокин...

Но не это больше всего запомнилось кемеровским молодым-начинающим, не это.

Как хотите, но демократия - дама непредсказуемая: случилось, она неожиданно появлялась ну, среди такого, скажу вам, ну прямо-таки среди махрового, о котором вы и близко представления не имеете, тоталитаризма...

Вышло так, что провожать столичных гостей собралось чуть не пол-города, сердобольная охрана депутатского зала дрогнула, в него набилось битком, но многие остались на улице - напитки им стали рюмками передавать по цепочке... И лишь когда самолет со столичными гостями взлетел, и вместе со слабеющими взмахами рук вслед ему начала также спадать всеобщая эйфория, Буравлёв кашлянул и отчетливо сказал:

- Мужики!.. Вы видите: на мне вот эта рубашка с коротким рукавом, а пиджака нет... Скорее всего, ночью оставил на скамейке где-нибудь на Весенней или в каком-то шинке на набережной, куда мы с москвичами заходили прощаться... В кармане пиджака без малого сто тысяч... Если мы его не найдем, расплачиваться за банкет будет нечем. Что будем делать, мужики?..

Сравнивать ли всеобщий поход по ещё не остывшим с ночи «следам боевой славы» секретаря Союза писателей с продотрядовской экспедицией за излишком зерна у кулаков с подкулачниками или найти куда более свежее сравнение?.. Может, сравнить с зачисткой в каком-нибудь уже несуществующем чеченском селе, а то, может, уже и с выемкой документов в обширном офисе нефтяного олигарха?.. Так или иначе, через час буравлёвский пиджак и в самом деле был найден в шалмане на берегу Томи: терпеливо висел бочком на неошкуренной спинке устроенного из пня тяжелого кресла и, увидав «своих», нетерпеливо забил пустыми рукавами - сюда, мол, сюда!

Хорошо, что карман, который чуть не до земли оттягивали сумасшедшие по тем временам деньжищи, был-таки заколот булавкой, иначе бы резкий ветер, который тоже гудел в ту ночь над Томью, конечно бы, разнес купюры - ищи-свищи!

Потомственный чалдон, Буравлёв был удачливый рыбак и меткий охотник, примером своим многих прирастил и к этим своим увлечениям, и невольно - к сопряженным с ними последствиям, а, чтобы страсть новичков-неофитов не выливалась у всех на виду, в центре Кемерова, где легкокрылый Бахус уже, бывало, публично спорил тогда с тяжело ступающим по земле русским Бухасом, ему пришлось создать потешный флот, назначить потешного адмирала - под именем прославленного турецкого флотоводца Чазыбука им стал, конечно же, преуспевавший все больше впоследствии, Геннаша Емельянов. Каждое лето на вместительном шлюпе «Маруся отравилась» команда из семи-восьми человек поднималась вверх по Мрассу или другой горной речке, надолго бросала якорь на каком-нибудь тихом плёсе и недельки две-три отводила тут душу: каждый согласно со своими пристрастиями, каждый, выражаясь научно, - согласно личным приоритетам...

Страница 4 из 12

Случалось, колхозная жизнь начинала Буравлёва тяготить - по натуре он всегда оставался единоличником. Тогда он брал запас пищи на день-два, брал спиннинг, ружье, котелок и уходил на неделю... Как раз накануне летом, когда он только что отошел от лагеря, на тропе среди малинника навстречу ему поднялся матёрый медведь, но Буравлёв успел левой рукой сорвать с головы войлочную шапочку, сунуть её в поднятые звериные лапы, а правой выхватил висевший на поясе нож и саданул в грудину под мышкой... Ружье он рванул из-за спины уже тогда, когда проводившая его в одиночный поиск и тут же наклюкавшаяся по этому поводу команда попыталась заявить, что выносить тушу по такому солнцу - это слишком, и надо, само собой, дожидаться, пока жара хоть мало-мало спадет....

Среди других «подвигов Геракла», как мы любили тогда обозначать неординарное, что с нами происходило, был на счету Буравлёва ещё один, не уступавший, может быть, только что описанному... В Кемерове тогда набирала силу областная оперетта, приехавшая из Краснодара на место главного режиссера Тамара Гагава уговорила Женю попробовать прославить наш чумазый Кузбасс в легком жанре, а что, наконец, а что?.. Но прежде чем артисты запели на премьере куплеты из сочиненного им либретто, сам он заплясал под дуду очаровательной примы, Елены Прекрасной... грехи наши!

Потом-то это наверняка его угнетало и не исключено, что стало невольной причиной преждевременного ухода в лучший из миров, но что его извиняло, за что Высший Судия, так хочется надеяться, простит его, - терпеливица Валя, прошедшая рядом с ним через огни и воды, так и не смогла родить ему наследника, а Лена была лет на двадцать моложе, и, наверное, Жене казалось, что он ещё успеет на поезд, который на самом деле безвозвратно ушел...

Не исключено, что дело в другом: железный мужик, вынесший все, какие достались ему черные испытания, он вдруг сломался перед неожиданно открывшимся ему ярким миром иллюзий и призраков... все-таки он был поэт, Женька-Буравель, был - Поэт.

И вот Лена, Елена Прекрасная, порхала теперь от плиты к сверкавшему накрахмаленной скатертью, блестящему хрустальными рюмками и фужерами столу посреди просторной гостиной, а мы стояли у бара, держали в пальцах упрямо принесенные Буравлёвым с кухни тонкие стаканы с традиционными ста граммами, ниже которых сибирская отметка не опускалась, и Буравлёв, дружелюбно и чуть насмешливо глядя из-под своего крутого лобешника, тихонько и очень ласково спрашивал:

- Ну, что?.. Как говорит наш общий друг - адмирал Чазыбук, - по-купчески?..

Прежде чем за стол сесть - на ногах. Без закуски.

Как, и правда что, говаривал родившийся в кондовой Сибири, в знаменитом Курагино Геннаша: о-стоях.

Сколько из нас именно это и сбило с ног!

И его тоже - раньше многих. И - его.

Потом мы чинно - прима-балерина, она и дома в гостиной прима - сидели за просторным столом, на котором обилие приборов из серебра и хрустальных изделий явно превышало количество наличествующей закуски, но давало основание верить в светлое будущее, и Женя сперва произнес традиционное «со свиданьем», а после налил рюмки всклень:

- Ну, кубанский казак: чтобы тропа не стала дыбом?

Елена Прекрасная нас вскоре покинула, отправилась на репетицию мужниной оперетты с местным сюжетом, а мы с Буравлевым, не сговариваясь, тут же перетащили бутылку с рюмками и тарелки на крошечный столик в кухне.

Я спросил:

- Сало у тебя есть?

Он словно нехотя улыбнулся: и сейчас вижу эту насмешливую улыбку пахана в редкостную минуту всеобщей лагерной расслабухи:

- Надеюсь, насчёт яиц не станешь спрашивать?

- Нет, сразу о яшнице...

- Заделаем сейчас. Не только её. Наливай!

И над нами поднялся не оседавший потом несколько дней и ночей густой дым коромыслом...

Может, чтобы проникнуться духом этих многодневных сидений вдвоём-втроём, непременно на кухне, этих бесконечных, с душой нараспашку, откровений о себе и близких по духу друзьях-товарищах, доверительного обмена знанием о литературных страдальцах с обязательной читкой стихов сидельцев либо расстрелянных, этих когда уважительных, а когда не очень рассказов о своих, о кондовых сибирских мэтрах и о блистательных гениях столицы, этих вспыхнувших вдруг, словно чистый спирт, фантастических общих прожектов и личных творческих планов, сбыться которым не суждено, - так вот, чтобы духом всего этого проникнуться, надо пожить в Сибири, в крупных или небольших городах, не то что для счастья - даже для относительного благополучия мало приспособленных, - пожить тут или хотя бы приехать в командировку и надолго застрять как раз в ту пору, когда мороз придавливает под пятьдесят, и на улицы опускается синяя, как «спирт питьевой», девяносто шесть градусов, пять шестьдесят семь бутылка, такая же обжигающая стужа...

Или тайна, что Москва держит нас за колонию, за ту самую природную, Господом Богом подаренную кладовую, из которой нашими руками она берет сколько хочет, мало что отдавая нам за нескудную эту работенку взамен?.. Или она не обделяет нас, не обходит вниманием? Или не сплавляет сюда под видом добровольцев на самом-то деле тех, кто ей не дорог, не нужен, а только болтается в столице всего передового-прогрессивого под ногами да ещё, бывает, у мира на виду за эти ноги цепляется?

Но все это вместе с тем остаётся досужими разговорами, остается домыслами...

До тех пор, пока Сибирь посреди зимы не напомнит вдруг о своем крутом нраве.

«Однако!» - сам себе говорит в такие дни сибиряк.

И жестокой реальностью для него вдруг становится не только холод собачий, но и многое-многое остальное из этого же собачьего ряда, что он привыкши ко всему, ко всему давно притерпевшись, просто-напросто переставал замечать.

«Однако!..» - говорит со значением сибирячок в размышлении, как утеплиться не перед выходом на улицу - вернувшись домой.

Но странное дело: то, что, казалось бы, должно его добить окончательно, на самом деле лишь придает ему сил и насмешливой какой-то уверенности. Не только в себе - во всех.

Словно подтвержденная морозцем-крепачком тайна полишинеля объединяет сибиряков прочнее, может быть, всего остального. На улице в такие дни немногочисленные прохожие - само собой, на очень приличной скорости - успевают вполне понятными жестами дать встречному, действительно, ценные указания насчет обмороженной щеки либо находящегося в крайней опасности носа, который при иной-то погоде те же самые благожелатели могли бы тебе без всякой на то причины расквасить... Все знают, что мороз дает шанс нашим хоккеистам - будь то в любимой Кузне - с шайбою, а хоть в Кемерове, в деревне Щегловке этой - с мячом - выиграть у давно привыкших к оранжерейному теплу крытых стадионов с искусственным льдом квёлых столичных игроков, а потому всякий уважающий себя болельщик считает не то что за предательство - вообще «за падло» остаться в такой день дома, а не стоять рядом с такими же несгибаемыми, как сибирские дивизии в сорок первом году под Москвой, бойцами на открытой всем ветрам и снегу над

головой деревянной «коробочке»... Чтобы заткнуть собою дыру, в которую прорвались немцы, они тогда из люков низко летящих «транспортников» сыпались в снег в худых шинелишках - это мы теперь были одеты, считай по-царски. Облачение чуть не каждого в такой день по изобретательности своей не уступит хитрому снаряжению покорителя хоть Северного, хоть Южного полюса, не говоря уже о какой-нибудь жалкой Джомолунгме: знаю по собственному опыту, что, собираясь на такой ответственный матч, настоящий патриот родного города на самодельный широкий пояс из собачьего меха сперва надевает китайские кальсоны «хэбэ» и русские ватные штаны с ляжками, на ногах у него толстые носки из кошачьей шерсти и подшитые трехсантиметровым войлоком валенки, грудь его защищает теплая, опять же китайская «дружба» с грубой фланелевой рубахой и свитер домашней вязки, во время отпуска специально купленный у карачаевцев в долине Домбая, на нем суконная куртка горнового и, наконец, китайская тоже, шуба козьего меха с ватными рукавами и резинками на запястьях... Можно бы отдать предпочтение русскому полушубку из овчины, можно, тем более, что к нему больше бы подошла разлатая, как воронье гнездо, шапка из рыси, да вот беда, не обладает он таким, как у китайской шубы, обилием карманов - ловкие модельеры Поднебесной будто специально рассчитывали её на сибирского болельщика, который в большой левый, на боку, непременно определит бутылку «коленвала» либо восьмисотграммовый «огнетушитель» с каким-либо, будь оно неладно, вином «Солнцедар», которым на юге заборы красят; в правый положит некогда граненый, но уже заметно оглаженный твердой мозолистой рукою стакан, а в нагрудные, на «молнии», кармашки сунет нарезанный на куски шмат сала и хлеб и отдельно, конечно, особнячком - соленые грибки и всякие там огурчики-помидорчики в поллитровой стеклянной банке или в расписной кружке, по личному заказу изготовленной в «эмальцехе» на старом комбинате, на легендарном ещё с довоенных времен «КМК»...

Само собой, что не каждый, нет, успеваешь так же ответственно подготовиться к решающей встрече «Металлурга» со «Спартаком», в Нью-Кузнецке, попросту - в Кузне, либо «Химика» с «Водником» в Рио-де-Киримоново, в Щегловке... Бывает, вдруг забежит на трибуны человек в легких ботиночках, в подбитом ветром пальтишке и шапчонке настолько облезлой, что не понять, какому представителю животного мира истончившаяся, как папирус Двуречья, кожа принадлежала... Стоит такой, ловит дрогалька, совсем почти дает дубаря, а по всему между тем видать, что толк в игре понимает... Как такого орла не уважить, как ему тоже не налить, если явственно видишь, что вместе со слюнками, когда рядом наливают, глотает он, прошу простить, сопли?

Да что там, что там: в такой мороз, когда сердобольная малышня впускает за собой в подъезды бродячих собак, их отцы перестают пинать «братьев меньших» ногами, а только чертыхаются, когда наступят в темноте, возвратившись после ночной смены, а матери не только не отбирают предназначенные разномастной, разнокалиберной бродяжке здоровущие куски хлеба - сами суют в руки детворы и вареную картошку, и уже обглоданные мослы, и косточки неизвестно откуда приплывшей в Кузбасс рыбы с наводящим на размышления названием: пристипома.

На что бесправная птица воробей - и тот, юркнувши на лету в щель между дверными створками большого продуктового магазина в центре любого сибирского города, обретал, хоть и негласно, чуть ли не статус политического беженца какой-либо из слаборазвитых стран с тоталитарным режимом, и носившиеся над головами посетителей стаи, капавшие на всех с круглых люстр и затевающие драку на вершинах пирамид из банок с «Завтраком туриста», таких же вечных в городе угля и стали, как пирамида Хеопса в Египте, беспрепятственно угощались казенной крупой и государственными крохами до тех пор, пока мороз не спадал...

К этой теме - воробьи в магазине, возвращались мы с Буравлёвым особенно часто. Перед этим нами было чуть ли не торжественно принято очень благоразумное, как нам казалось, решение не брать в ближнем «гастрономе» больше одной бутылки сразу, чтобы иметь таким образом возможность регулярно вдвоем проветриваться. Другой раз, правда, это компенсировалось нашим общим с Женей горячим желанием поддержать только что зародившуюся тогда в наших краях народную традицию: каждый, кто пожелает «найти Бабашкина», игравшего тогда в защите «Спартака» под третьим номером - попросту говоря, «строить», подходил внутри магазина к закуржавевшему окну и ногтем проводил на стекле невысокую горизонтальную линию. Это была как бы заявка на дружеское участие, на братское тепло в холодном бесприютном краю, и отозвавшийся на крик души второй участник предстоящего в ближайшем подъезде пиршества рядом с первой отметиной ставил вторую: мол, всей душой готов поддержать!..

Потом к стоявшим в терпеливом ожидании окончательного укомплектования боевой единицы вместе либо с независимым видом прохаживавшимся по торговому залу, отдельно друг от дружки, околавившимся возле витрин двум первым наконец-то присоединился долгожданный третий волонтер, но перед тем как погрузиться в нирвану - любимый термин частенько пребывавшего в ней адмирала Чазыбука! - он должен был рядом с двумя отметинами ещё одну провести и наискосок их все три перечеркнуть: все, мол, прием заявок окончен - этот поезд ушел.

Опоздавший должен был начинать новый набор желающих, благо недостатка в них не было: в настоящие морозы, чтобы уместить суточные заявки, не хватало и двух, и трех просторных, во всю стену окон...

Буравлёва почти до слез умиляли и эти на манер первобытных пещер испещренные знаками окна, и особенно - вид единственной палочки на стекле, от которой как будто исходил зов о помощи. Одинокого заявителя я тут же безошибочно отыскивал, а подоспевший на этот раз с двумя «бутылками» в карманах Буравлёв с явным осуждением отводил в сторону его руку с зажатым в ней «рваным»:

- Он тебе, браток, ещё пригодится.

Вскоре одни и те же «братки» стали нам попадаться уже чуть не регулярно, но мы с Буравлёвым лишь понимающе друг дружке подмигивали...

И в самом деле: разве мы с ним могли, хотя бы отчасти, соответствовать тому истинно сибирскому размаху, с которым кузбасский наш патриарх Александр Никитич Волошин, получивший Сталинскую премию за роман «Земля Кузнецкая», три дня добирался из гостиницы «Москва» в центре столицы до Ярославского вокзала?!

У каждого мало-мальского ресторана велел он таксисту останавливаться, а официантам - сдвигать столы. Выскакивал на улицу подстегнутый немалыми чаевыми швейцар: звать на всеобщий праздник всех встречных и поперечных. Вино, как говорится, лилось рекой, официанты не успевали менять закуски, и тем не менее Никитича хватило ещё и на то, чтобы на Новый год в «родной Кемеровой» - называя так областной город адмирал Чазыбук подчеркивал, естественно, деревенские его, щегловские корни - все деревья по обе стороны Советского проспекта украсить связками бубликов и гирляндами сосисок... Богатыри не мы!

Возвращаясь домой, мы с Женей то и дело останавливались, чтобы, согрев прикрытые перчаткой губы, цвикнуть потом на тротуар и увидеть, как плевок на лету превращается в

ледышку, и услышать тихенький звон, с которым он падает на тротуар: в большие морозы это был чуть ли не обязательный ритуал. На снежном насте по обочинам тротуара, а то и на нём, прямо под ногами то и дело попадались тихо сидевшие, коченеющие птицы, а то и лежавшие вверх лапками - закоченевшие...

- Мы их не видим, старик, пройдем мимо, - как будто с неким усилием говорил Буравлёв. - Дома у Маришки и так - госпиталь...

Подросток Маришка была дочерью Лены, спасавшей в своей комнате десятка два обложенных ватой и тряпицами воробьев...

Страница 5 из 12

Несколько раз я звонил в Москву знакомым «спутниковским» парням, объяснял ситуацию, говорил, что могу и вообще не прилететь, если холода не отпустят, но они там знали своё: вся «австралийская» группа уже в сборе, дело только за тобой - ждем. Тут же я связывался со справочной кемеровского аэропорта, девочки меня уже узнавали и - в соответствии с моими попытками не «закадрить», а хотя бы задобрить их воркующим тоном, со смехом отвечали одно и то же:

- Как только, так - сразу: не волнуйтесь!

Помню, что на четвертый день мы с Буравлёвым долго спорили, где красивее воробей: в Новокузнецке или в Кемерове?

Дело в том, что во время холодов наши городские птицы укрывались под крышами горячих металлургических цехов и очень скоро делались от копоты черными. «Щегловские» прятались в цехах Новокемеровского химкомбината, «Азота» и «Карболита», а потому приобретали устойчивый рыжеватый оттенок.

- А что если мы сравним их летные характеристики? - спросил в конце концов Буравлёв, обращаясь чуть ли не к постоянному участнику нашего непрерывного застолья Володе Мартемьянову, чемпиону мира по высшему пилотажу: Володя не пил, а только прислушивался к нашим почти бесконечным разговорам - в то время он уже собирался засесть за книжку «Я люблю тебя, небо!»... может, она-то Володю и погубила?

Может, ему надо было назвать её «Я люблю тебя, аэроплан»?..

И верный «Як» не приревновал бы его тогда к высокому голубому небу, не сломался бы от горя в мощном воздушном потоке над Кисловодском...

О скольком все-таки я уже написал: в давнем романе «Проникающее ранение» есть сцена, когда по пути во Владикавказ, к другу-осетину, которого уже тоже нет, я попросил водителя остановиться обочь дороги и долго-долго смотрел на кувыркавшийся в чистом весеннем небе «Як» - вспоминал и Володю Мартемьянова, и наше с Буравлёвым и с ним долгое сидение в домерзающем Кемерове...

В этих местах, близких от моих родных, он и погиб.

Спустя ещё двадцать лет хорошо знавший его «однорукий летчик» Анатолий Агафонович Балув, тоже мастер спорта международного класса, которого ассоциация «Бродячих пилотов Соединенных Штатов» приглашала на роль президента - первого номера и

который предпочел в нашей Отрадной на самодельных своих машинах за так обучать окончивших летное училище, но так ни разу и не поднявшихся в небо мальчишек-лейтенантов, так вот, Толя, хорошо знавший Мартемьянова, рассказывал, какой это был удивительный ас и какая обычная его настигла судьба: перегрузками обломанное крыло, как правило, прихлопывает фонарь, бьет по сидящему под ним летчику.

Через два или три года Балувев, бывший неформальным, бывший жертвенным знаменосцем почти истребленной у нас малой авиации, сам вошел в штопор во время полета с немцем, увидевшим однажды мастерство летчика, к штурвалу прикреплявшего обрубок правой руки специальным захватом, и вернувшегося к нему в Россию уже намеренно: перенять мастерство.

Толю похоронили в Прочном Окопе, куда после гибели его переехали жена, дочь и зять - все тоже летчики, а самолет его схоронили в нашей Отрадной, но там и там они лежат вместе: настолько сидевший ведущим Агафоныч, непризнанный равнодушной Отчизной бродячий русский пилот, был вмят в расплющенное железо. Настолько оно, спрятанное до этого лишь в характере летчика, вошло теперь в его плоть.

Ах, гуси-гуси!

Дважды в год туда и сюда летящие над страной. Знаете ли вы об этих наших попытках взлететь?! Несмотря ни на что.

Но тогда ещё далеко было до печальных этих моих размышлений, медленных, как аульская беседа.

Как думы одиноких старух в тех станицах, что стоят на месте разрушенных когда-то лихими казаками черкесских аулов...

- Что ты, Володя, как профессионал высокого класса скажешь нам о летных качествах черных и рыжих воробьев - мы за них выпьем! - настаивал Буравлёв, приподнимая очередную рюмку. - Я-то убежден, что в Кемерове они само собой выше: им тут приходится равняться на тебя...

- Н-не надо! - я кричал. - Разве ты не понял, что со своей чемпионской высоты он никогда не обращал на них внимания, и от обиды они давно опустили крылья... А вот кузнецкий наш воробей, который о Володе слухом не слыхивал, и все Володины достижения ему до фонаря, он как летал себе, так и продолжает летать... разве не ясно?

- Ты-ка лучше соглашайся на мое братское предложение, - миролюбиво отшучивался Володя. - Ни один борт в ближайшие день-два из Москвы сюда не придет. Единственная возможность успеть тебе в Австралию, если на моем «яке» мы с тобой - низенько над землей... С посадками...

- Огородами, огородами, - насмешничал Буравлёв. - Но «бортачом» я с вами не полечу...

Посреди ночи, когда мы с ним крепко спали, вдруг раздался телефонный звонок, молодой женский голос произнес весело:

- Обещала вам?.. Московский рейс только что прибыл, через час уходит обратно.

И мы засуетились, забегали.

С диспетчерами такси тоже был железный уговор, но теперь там сказали, что все машины на вызове: разве не ясно, что весь город в аэропорт кинулся? Кто лететь, а кто встречать-проводить. Возможность появится - пожалуйста. Но пока...

- У Володи, у Мартемьяныча есть машина? - спросил я у Буравлёва.

Он задержал горлышко бутылки над рюмкой, поднял свою тяжелую челюсть:

- Как я понял, у него только «як»...

- Что будем делать?

Он наставил на меня палец:

- Афоне звони!

- Афоне?... Домой?!

- Я не понял, - в насмешливой своей манере сказал Буравлёв. - Тебе, действительно, надо в Австралию или ты мне тут заливал?..

- А телефон? - спросил я.

По памяти он назвал номер, я набрал, и в трубке почти тут же глухо откликнулись:

- Ештокин... Слушаю.

- Афанасий Федорович! - заторопился я. - Меня в Москве ждут, у меня поездка в Австралию срывается. Четыре дня самолета не было, теперь прилетел, а машин в таксопарке нет, в аэропорт добраться не на чем: не могли бы вы помочь с транспортом?

Скучным голосом он спросил:

- А который час?

- Половина четвертого.

- Мог бы дать отдохнуть - домой около часа приехал.

- Вы уж извините...

- Да что там: я не занимаюсь машинами, они у помощника, позвони ему... телефон знаешь? Запиши-ка.

Пока я звонил помощнику, тот - в гараж, а потом мне отзванивал, пока мы с Буравлёвым, дожидаясь черной «волги» с обкомовскими номерами, мерзли с моими вещами у подъезда, «московский борт» был таков...

В зале аэровокзала там и тут громко слышались возмущенные голоса таких же, как и мы, опоздавших, и я к ним сперва присоединился, а потом народное недовольство возглавил. У закрытого прохода на посадку стояла забытая грузчиками большая тележка для багажа, и я взобрался на неё, левой стащил с головы ушанку, а правую руку воздел над головой:

- А ну - внимание!

Все, и в самом деле, примолкли, и в наступившей тишине раздался писклявый голос:

- Какое внимание, если научная конференция открылась ещё вчера, а...

Нет, Робеспьер бы мне наверняка позавидовал!

Говоривший ещё не закончил тираду, а я гневными глазами уже нашел его в толпе, наставил на него указательный:

- Ты по какой науке стучишь, малокровный?

Это был явный плагиат из незабываемого лексикона адмирала Чазыбука - Геннаши Емельянова, на пять лет раньше меня окончившего факультет журналистики МГУ и усердно сеявшего теперь в провинции разумное, доброе, вечное - все больше из того, что было обретено им и в прилегающих к старому зданию на Моховой больших ресторанах, и к общежитию на Стромынке - маленьких забегаловках.

Дело вообще-то удивительное: оба чуткие к русской речи, значение глагола «стучать» в подобных текстах мы воспринимали тогда как «издавать шум при движении вперед». Ну, как паровоз стучит, когда мчится - чего неясного?

Несмотря ни на что, оставались настолько неиспорченными?

Но оппонент мой взвизгнул:

- Во-первых, я не стучу - предпочитаю заниматься чистой наукой...

- Ах, «чистой» он занимается, - развел я руками, - исключительно «чистой»!.. Какой, я и спрашиваю, - какой?!

Не нравился он мне: маленький такой худенький «фитилек» в модной, из белька, шапке с козырьком, в добротном пальто с шалевым воротником, в слишком интеллигентных, с оправой под золото, очёчках: наверняка из временных, из ненадежных сибиряков, кто спит и видит Москву либо какой-нибудь большой южный город...

Человек по натуре верный и к добрым людям привязчивый, сам я давно уже мнил себя чуть ли не заправским чалдоном.

- Ну, не таи, не таи: какой наукой-то? - продолжал тянуть к нему руку.

- Да поймете ли вы?.. Специалист по нематодам!

- Малокровный! - снова заговорил я в Геннашином духе. - Одним глистом больше в Кузбассе, одним меньше - да не один ли фиг?.. А я должен был в Австралию полететь - вот путевка, смотри! - из внутреннего кармана пиджака выхватил продолговатый, из цветного полукартонка, буклет. - Думали, путевку дали, и я упал?.. А вот вам! Возьму и сожгу. На хрен мне ваша Австралия - у меня лицензия на лося тут пропадает!

Откуда это во мне взялось? Что значило? Был какой-нибудь разговор по дороге сюда в машине?

Буравлёв протянул мне спички так быстро, как будто были у него наготове. Я чиркнул по коробку и поднес огонь к краю буклета - он начал медленно, как будто нехотя, чернеть.

Страница 6 из 12

Из толпы кто-то весело выкрикнул:

- Чё делаешь, паря - кабутто лоси не надоели?.. Летел бы в эту самую Австралию и бил ба там кенгуров!

Путевка все тлела, никак не хотела вспыхивать, и мне пришлось зажечь ещё спичку и только потом отвечать доброжелателю:

- На фиг мне твои кенгуры!

- Да они как раз не мои! - снова отозвался он весело.

- Прекрати, мужик! - сказал вдруг кто-то требовательно, чуть ли не грозно. - Выпала такая возможность - лети. И оставайся там, не хрен тут гнить!

Буклет мой наконец вспыхнул, и я, как горьковский Данко, поднял его над головой.

- Прекрати, мужик!

Теперь я его увидал: ладный, средних лет бородач, чем-то похожий на Буравлёва, смотрел на меня внимательными глазами, и была в них ну такая тоска!

- Говорю, лети!

В голосе у него тоже было столько невысказанного страдания, что я невольно спросил:

- Ты так думаешь?

Щека у него дрогнула:

- Друг!.. Что тут думать?

Пламя обожгло мне пальцы, я бросил путевку под ноги, тут же, словно окурок, притоптал. Буравлёв поднял черный по краю бумажный огарыш, тыльной стороной пальцев сбил пепел. Протянул мне руку и, когда я сошел с тележки, с силой затолкал мне остаток в кармашек пиджака.

- Пойдем!

- Куда?

- Куда все люди, туда и мы...

Все, и правда что, - ну, будто все! - по широкой лестнице медленно и деловито уже поднимались на второй этаж, где был ресторан.

Мне скажут: все сочинил! И эти выкрики, и этих людей из окружавшей меня толпы...

Нет, братцы, нет. Как это не покажется странным, но на четвертый день глухого сибирского запоя я почему-то выхватывал все это - ну, как опытный, с хорошим стажем, документалист. Особенности устройства бедовой моей башочки?..

Но вы ведь, наверное, уже обратили внимание на название этого открытого романа - такого же, обращенного ко всем, какими бывают якобы «открытые» письма?

«Выкупающий свою голову.»

Не у кого-то в отдельности.

У вас. Всех.

Чего-то я, само собою, не помню. Меж картинками яркими, конечно же, есть провалы. Но главные сцены давнего кемеровского сидения остались в моем сознании такими точными!

Само собой, что много-много лет я все это вспоминал и пытался по полочкам разложить. Анализировал. Когда жестоким самоанализом занимался.

Бывало, что в такие минуты я говорил себе: а, может быть, тот самый, смотревший на тебя со звериной тоской мужичок - провокатор со стажем?

С должностью какой-никакой. С хорошей по тем временам зарплатой.

А чего так смотрел на меня - да просто давно не получал очередной звёздочки на погоны и не мог теперь скрыть отчаяния!

Но потом стыдил себя: погоди.

Никто ведь не нанимал тебя нести то, что нес тогда в своих речах... Ведь никто?

Почему же отказываешь в искренности человеку, которого не знаешь, - он ведь вправе подумать о тебе то же самое!

...Из ресторана мы с Буравлёвым отправились в аэрофлотовскую гостиницу. Потребовали номер. Само собой - люкс.

Это помню тоже совершенно отчетливо - когда нам дали заполнить гостевые листки, спросил Буравлёва: Жень!.. А что писать в графе - «место жительства»? Мой новокузнецкий адрес или твой - кемеровский?

- Пиши! - приказал Буравлёв. - Москва. Кремль.

И первый вывел это же на своем листке - что мне-то оставалось?

В жалком двухместном номере, который нам выдали за «люкс», оба тут же упали в сон - проснулся я оттого, что горничная трясла за плечо:

- Молодой человек!.. Вам домой пора.

- К-куда это домой?

- Что значит - куда? По месту жительства. В Москву. В Кремль... посадка уже идет, скоро кончится.

С таким же настыром, с каким запихивал в мой карман огарыш путевки, Буравлёв потащил меня сперва к окну регистрации, потом - к выходу на посадку.

- Смысл? - помню, спрашивал его. - Путевки нет - какой смысл?!

- Хоть объяснишь им там! - упрямо повторял «Буравель».

- Да что, что объясню?

- Ну, хоть что-нибудь! Путевку покажешь...

- Какая это теперь «путевка»!

- Но хоть что-то различить можно? Если там не дураки сидят...

В Москве я первым делом домой Игитовым позвонил, старым друзьям, и Валентин сказал: приезжай. Меня уже не застанешь, увидимся вечером, но девчонки и Неля дома: давай к нам, давай.

Сибиряк в нем тогда ещё не помер и не зачах - какой он был парень!

У Игитовых первым делом взялся за телефонную трубку: сказать им там, в «Спутнике», пусть не ждут меня, не полечу - сжег путевку.

- Да ясно, что с тобой не соскучишься! - то ли засмеялся, а то ли вздохнул на другом конце провода Марлен Середницкий, заведующий одним из отделов: несколько лет назад мы вместе были в Канаде и в Бельгии. - Как это её можно сжечь - как?!

Я начал что-то такое мямлить, но он перебил:

- Оставь эти хохмочки, оставь для других! Деньги ты, надеюсь, не сжег? Ну, прекрасно. Дуй быстренько сюда, отдашь в кассу, потом с нашей Зоенькой срочно - в Минздрав, в их лабораторию - прививки сделать, без справки о прививках не выпустят, а вылет, наконец, завтра утром. Зоенька вот напротив меня сидит, уже заждалась - как друг тебя прошу: не подводи!

Разве я когда-нибудь где-нибудь кого-нибудь подводил?!

И всю ночь меня выгибало дугой на игитовской раскладушке, бросало то в жар, то в холод...

Перед тем как сделать укол, в лаборатории предусмотрительно спросили: действительно, как полагается перед прививкой от холеры и оспы, всю предыдущую неделю не брал в рот спиртного?

И я развел руками:

- Само собой!

Когда и кого я, и правда что, подводил?! Кроме самого себя, разумеется.

Утром во Внуково, перед посадкой в наш «ТУ», душевному другу Вале Игитову скинул на руки, словно камердинеру, пальто: в Австралии было лето.

- Ты уж потом встречай меня с ним!

И Валька сказал:

- Железо!

Тогда ещё так оно и было...

Страница 7 из 12

«Такой же, как прежде»?..

Эта фраза - правда, без «вопросительного» - название рассказа австралийского писателя Фрэнка Харди: известный в округе хамоватый ухажер, в самой поре, в самой силе, наносит обиду кроткой девушке из небогатого, не очень благополучного семейства. Отец её, в далекой молодости бывший неплохим кулачным бойцом, не хочет прощать обиды: чуть не на последние деньги покупает спортивный «мешок» и, несмотря на плохое сердце, начинает упрямо готовиться к поединку. Его не останавливают ни уговоры больной жены, ни насмешки соседей... В кругу не очень-то сострадательных болельщиков, давно привыкших ко всему обитателей рабочего предместья, он укладывает-таки молодого здоровяка, и лишь когда победа безоговорочно остаётся за ним, сам падает без сил, может быть, уже при смерти, но склонившимся над ним жене и дочери еле внятно говорит: ничего, мол, - я такой же, как прежде!..

К тому времени, когда мы отправились в Австралию, ещё недавно обласканного в Союзе «прогрессивного» писателя Фрэнка Харди наша пропаганда успела проклясть якобы за отступничество.

А он, пожалуй, просто хотел оставаться «таким же, как прежде»...

Но что это я? Почему решил начать новую главу именно с него - с не угодившего нам, несговорчивого писателя?

Ведь перед этим собирался дать ей самое что ни есть нейтральное название: «Терра инкогнита». То есть «Земля неизвестная».

Которую сам тогда открывал и по самым разным причинам столько лет от чужих глаз берег: и синие под розовым светом вершины Гималаев над ослепительными снегами под брюхом самолета внизу, и бегущую под заметно потеплевшим тут ветром невысокую изжелта-зеленую траву рядом с посадочной полосой в Новом Дели, в Индии - по дороге к «неизвестной земле».

Здесь мы пересели в «боинг» компании «Пан Америкэн», на взлете он почти мгновенно набрал высоту - среди наших пошел шепоток: мол, здесь так!.. На пассажирских машинах у них летают военные летчики: рядом Вьетнам. Почти так же стремительно самолет потом начал снижаться над зелеными строчками рисовых полей и куртинами пальм Таиланда, и когда в затихшем после посадки салоне, из которого пока нельзя было выходить, открыли

двери, жар внутри тут же сделался, как в духовке, и каждый из мгновенно взопревших наших путешественников потянулся раздергать под плотным пиджаком черный галстук на белой нейлоновой рубашке, приобретенной накануне благодаря покровительству все той же очаровательной Зои... задерганная домашними делами, болеющим мужем и цветущим внуком Никитой, простишь ли автору, Зоя, и эти пока маловразумительные упоминания о тебе, и те, что, даст Бог, случатся по ходу повествования позже?

В Бангкоке четыре дня нас преследовал душный запах разложенного перед уличными торговцами вареного, печеного, жареного, пареного шпината и преследовали одно за другим от лиц мужского и женского пола исходившие нескончаемые предложения с единственно понятным словом «массаж», которое почти все «русские туристы» понимали тогда так же плоско и неглубоко, как мы с Геннашей в нашем глухом Новокузнецке - глагол «стучать».

Однажды в группе пронесся слух, что на какой-то из площадей якобы состоится церемониальный парад королевской гвардии, по давней традиции одетой в русскую военную форму, существовавшую ещё в «царской армии»: первый комплект тогдашнему повелителю тайцев подарил во время своей поездки на Восток будущий император России, молодой тогда Николай II ...

Тут автору придется сделать небольшое отступление: пожалуй, самое время.

Дело в том, что в Москве меня ждали не только в «Спутнике» - само собою ждали дружки, но так как сибирским холодам удалось подчинить себе не только пространство, но время - тоже, мне осталось с ними только перезвониться. Олег Дмитриев, друг Олежка или, как звала его тетя Катя, жившая в доме родная тетка по погибшему в народном ополчении сорок первого года отцу, - Алик, Алька в разговоре со мной вдруг сказал:

- Черри! - так он называл меня, напоминая наше общее - учились мы в одной группе - факультетское прошлое, когда, доводя на занятиях «англичанку», на такой же варварский манер вместо «гуд бай» проносили мы «год буё». - Во-первых, я рад, что ты наконец-то прилетел, потому что ваша якобы студенческая тургруппа с каждым часом все больше стареет, и вас в конце концов в Австралию могут просто-напросто не пустить... Во-вторых, у меня есть кое-что интересное лично для тебя: сегодня у нашей Светланки на Новой Башиловке, где мы с тобой, Черри, тоже неоднократно вкушали, был друг семьи, подполковник «конторы» грузин Саша. Как неожиданно выяснилось в задушевной беседе, летит в Австралию в одной компании с тобой... Так как Светлана знала, что мы тебя ждем, она ему об этом сказала... ты меня понял, Черри?

В зарубежных поездках Олежек бывал почаще меня, но чего ж тут даже сибирячку кондовому, тайге глухой не понять?

Благодарение всей фамилии - всей многочисленной родне - народного артиста Советского Союза Михаила Ивановича Жарова, к которой принадлежали двоюродные сестры Светлана и Наташа, жена Олежки!..

Может, во время той, «австралийской» поездки мне везло, как еще никогда?

Ни разу с «грузином Сашей» мы об общих знакомых не разговаривали, с достаточно скучным видом чокались во время ежедневных застолий в студенческих городках - только иногда вдруг вроде бы ни с того, ни с сего перемигивались.

В Таиланде это и началось: совершенно случайно перемигнулись, и я вдруг понял, что это, насчет подарка русского императора королю Таиланда - правда. А вот что касается церемониального парада королевской гвардии - полная лабуда. На него можно и не записываться...

Единственная посадка на пути в Австралию была у нас в «бананово-лимонном» - вспомним эмигрантскую тоску знаменитого сочинителя и певца собственных песен Александра Вертинского - Сингапуре, но там мы не увидели ничего кроме множества механических игрушек в единственной лавчонке сувениров на самом краю аэродрома: остальные пассажиры отправились размяться в манящий обилием кафе и магазинов аэровокзал, но русских дальше накопителя не пустили.

И сейчас вижу разноцветных плюшевых зайцев, тигров, шимпанзе, бегемотов и слоников с одинаковыми, из блестящего металла, крошечными барабанчиками, над которыми поднимаются и падают вниз палочки из пластмассы: «... шумят-гремят джаз-баны, танцуют обезьяны...»

Так и остался в памяти Сингапур страной игрушечной...

Зато какую поистине космическую мощь, какие удивительные краски явила вдруг свободно и открыто Австралия!

В один из первых дней, если не в самый первый, нас повезли взглянуть на бушующий Индийский океан, и пушечные удары гигантских волн в отвесные скалы, над которыми после каждого такого удара вздымался метров на двадцать, на тридцать вверх тугой водяной столб, как будто обозначали не только высоту берега и его неподступность, но предупреждали о первозданном величии всего континента и о сохранившейся несмотря ни на что цельности его населения, как биологического вида, так и не закисшего до сих пор в достатке и сытости, так и не обузданного уже обветшавшими рамками давно скомпрометировавшей себя западной цивилизации...

Может, эту главку надо было назвать «Австралийские дрожжи»? Или «Австралийская закваска»?

Как-нибудь так.

Тоже чуть ли не в первый, может, - во второй день, на одной из улиц Сиднея, куда прилетели, или - Мельбурна, куда почти тут же переехали, обратил внимание на идущего играючи тросточкой франта средних лет с пижонскими усиками: на нем была круглая соломенная шляпа с черной лентой на прямой невысокой тулье, черная бабочка на белой рубашке под серым, в синюю клетку пиджаком, темно-коричневые шорты из тонкой кожи, ослепительно белые гольфы и черные башмаки...

А как независимо, с каким нарочитым изяществом он шествовал!

Ну как будто специально, чтобы кто-нибудь шуточку в его адрес отпустил...

Видно, так оно и случилось, потому что в следующие несколько секунд этот усатенький пижон, как я только что был убежден - мелкий фраер, отбросил тросточку, стремительно швырнул на асфальтовый тротуар пиджак, кинул на него шляпу и даже перчатки, которых я раньше у него не заметил, и уже во всю колотил по мордасам татуированного, в одной майке, обритого наголо толстого балбеса... скажу я вам!

Всё, братцы, как на нашем родном Запсибе - только и того, что австралиец содрал с себя новенький клетчатый пиджак, а не старый ватник.

Тут же кружком собралась оживленно перекликаявшаяся толпа и сквозь неё протиснулся и молча стал впереди рослый полисмен со сложенными на груди руками - ну, точно, как неподкупный и потому бесстрастный спортивный судья.

Шагнул к ним, когда драка вдруг на мгновение стихла, хлопнул того и другого по плечу и даже как будто сделал попытку у обоих руки поднять, когда они уже расходились в разные стороны: боевая ничья! Надо ли говорить, что во мне возникло острое, почти до неожиданных слез ощущение: я - дома.

Думаю теперь: может, в каком-то смысле Австралия - тоже «теплая Сибирь»?

Другое дело, что Сибиря наша по многим причинам - никакая, конечно же, не Австралия, эх!

Потому что слишком разными были Россия и Англия?

Лишенные здесь исторических корней и три века о них не очень-то - не до жиру, а быть бы живу - печалившиеся, нынче, когда зажили не то что побогаче - роскошно, австралийцы как будто принялись догонять упущенное... Теперь давние потомки каторжан, когда-то выброшенных на славной своей прародине из жалких лачуг, по камешку, по кирпичику разбирали там старинные замки бывших своих гонителей и на пароходах везли на свой и сегодня ещё кое-где пустующий континент... Как они, возведенными здесь заново, ими гордились!

К этому мы ещё вернемся, но, может быть, это одно из главных занятий австралийца в свободное от работы время, - гордиться, гордиться, гордиться?

Родиной.

Само собой, что во исправление исторической несправедливости - не очень вежливого обращения аборигенов с капитаном Куком, первым из европейцев высадившимся в Австралии, - чуть ли не прежде всего остального сюда был из Англии перевезен родной дом знаменитого мореплавателя... И долго мы рассматривали на манер бочки сделанную в начале восемнадцатого века стиральную машину с деревянной колотушкой внутри и деревянными валками, выжимать белье, наверху, а меня потом не могли оттащить от пышной капитанской постели, на которой красовалась состоявшая из двух до блеска чищенных медных чашек с медными же защелками грелка с длинной деревянной ручкой, отполированной не только ладонями поколений хозяев, но и, казалось, самим неумолимым временем...

- И как этой грелкой пользовались?

- Это закрытая жаровня, - со слов молоденькой смотрительницы капитанского дома взялась объяснять наша переводчица Энга, как выяснилось потом - Энгельсина. - Кладут внутрь раскаленные угли и перед тем как лечь спать, засовывают грелку под одеяло... в Англии довольно прохладный климат... сырость, туман.

- А если среди ночи замерз, начинай все сначала?

Энга поправила модные, большими кругляшами очки из розового стекла, поглядела на смотрительницу, потом опять на меня:

- Да, конечно.

И долго я ещё потом сам с собой размышлял о преимуществах безотказной сибирской нодьи перед капризной английской грелкой... какой там тебе «туман»?.. В трескучий мороз берестой поджигаешь длинное и толстое сухое бревно, а ещё лучше два, сложенных одно на одно, или три - они равномерно горят ночь напролет, а ты знай-поворачивайся к ним то грудью, то боком, то спиной или что пониже. В зависимости от того, какую часть тела сильнее снегом занесет...

Но почему, прислушиваюсь к себе, пытаюсь из подсознания это выудить, почему я начал с бушующего Индийского океана, а не с аэропорта в Сиднее, где всех нас потрясла картина тоже довольно впечатляющая: надолго задержавший нас очень тщательный, очень дотошный досмотр полутора сотен американских солдат, специальным рейсом прибывших перед нами из Вьетнама на двухнедельный отдых, как бы на мирные каникулы... как их, и в самом деле, шмонали!

На бесконечно длинной, достаточно широкой стойке лежали горы разноцветного барахла, вынутаго из безразмерных брезентовых солдатских мешков, и руки таможенников неумоимо скользили по каждому шву всякой вещи. Все перетряхивалось, все наизнанку выворачивалось. После этого каждого, одетого ещё в хаки и с пилоткой на плече под погоном американца уводили в достаточно просторную, похожую на примерочную, кабину, задергивали шторку, и по тому, какое жеребьячье, какое игривое из-за неё доносилось ржанье, можно было понять, что там тоже продолжают щупать и выворачивать.

Встретивший нас в аэропорту молодой гид из русских, Саша Гришин, видя не только наше недоумение, но даже как бы некоторое сочувствие к терпящим унижение американцам, взялся оправдывать служебное рвение земляков:

- Так долго потому, что эти ребята большие мастера прятать наркотик, о, - большие!

Кто-то из наших все-таки укорил:

- Как бы там ни было - ваши союзники!

- Я тоже за этот союз, - сказал Саша. - Только без наркотиков. Его взялись расспрашивать:

- Тебя-то не заберут во Вьетнам?

Саша, сразу предложивший называть его на «ты», явно обрадовался:

- Как это по-нашему: не загребут ?.. Уже нет.

- Не прошел по здоровью?

- Почему?!.. Просто мне повезло. У нас солдатом становятся по билету в лотерее: какой билет вытащишь. Несчастливый - служишь в армии, летишь во Вьетнам. Но мне достался хороший.

- Прими наши поздравления, Саша!

- О, принимаю! - сказал он искренно. - Тут есть с чем поздравить, есть!

- Как это по-нашему? - с некоторой иронией спросил Митя Матковский, молдаванин. -
Надо бы обмыть ?

И я обнял Митю: молдавского поэта Думитру Матковского, очень хорошего поэта, с которым мы уже успели составить неразлучную пару.

Страница 8 из 12

Дело в том, что австралийцы заранее предупредили наш «Спутник», что в составе туристской группы не должно быть ни писателей, ни журналистов, потому-то мы с Митей оба значились преподавателями русского языка. К сожалению, мне тогда ещё не представилось случая подтвердить свою столь ответственную профессию, но разве не с блеском проделал это Думитру?!

Недаром с молдавского переводила его чрезвычайно талантливая, чрезвычайно, подчеркиваю, поэтесса Лариса Васильева, написавшая потом книжку «Кремлевские жены», и вообще чего только тоже чрезвычайного о Кремле не написавшая - нет, недаром!

Была, конечно же, в объединившей нас дружеской симпатии и как бы некоторая, заранее многое определившая закономерность - вспомним очередность букв в русском алфавите: «... ка... эл... эм... эн...» - «кэлэмэнэ», короче: чтобы стать хоть чуточку ближе к родному Мите молдавскому языку.

Но к общей нашей чести симпатию эту мы искренно проявили друг к другу ещё до того, как нас впервые поселили в одном номере.

Был у нас в группе ещё один молдаванин, достаточно пожилой и, прямо скажем, без обильной растительности на голове директор коньячного завода из Кишинева, который чуть ли не всюду таскал за собой объемистую сумку, набитую собственной продукцией. Когда ещё в Москве ему говорили: мол, куда ты с ней?!.. Ну, даже если наши пограничники с твоим коньяком тебя выпустят - все равно таможенники в Таиланде или в Австралии отберут!

- Ну, и что? - спрашивал он не то что спокойно - спрашивал совершенно равнодушно. - Жалко, что ли? Пусть отберут: хоть попробуют.

Но сумку не отобрали ни там, ни там... Сколько лет прошло, а я все думаю: может, это все-таки была волшебная сумка?

Сколько кишиневский директор ни отдавал коньяку - на общий стол или только, бывало и такое, на наш с Митей, бутылку в ней только прибавлялось... Возможно ли такое? Но ведь было!

Поскольку из студенческого возраста добрый волшебник из Кишинева, бывший куда старше нас, давно уже вышел, он тоже числился преподавателем, но по какому предмету, я не знаю. Теперь, конечно, он мог бы сойти за крупного специалиста по маркетингу, потому что в большом количестве раздавал он также свою продукцию знакомым и

незнакомым австралийцам, но такого предмета в то время у нас не знали не только в школах, техникумах или институтах - не знали и в академиях.

Однажды я спросил его напрямую: каким образом ты пополняешь сумку, Ион?.. Где ты в чужой стране достаёшь свой коньяк?

- А чего его доставать? - спросил он меланхолично. - Вспомни, как он называется.

- Ну, «Аист»...

Ион носовым платком вытер взмокшую на жаре лысину и насмешливо сказал:

- Ты не должен был говорить «ну».

- Почему это?

- Ты бы просто ответил: «Аист». И тогда бы я спросил тебя: ну?..

Ох, эти молдаване!

Уж не хотел ли он сказать, что в Кишиневе начали выпускать бутылки с крыльями, и затем-то он и прибыл в Австралию, чтобы лично убедиться, долетают ли они до пункта назначения, а сумка нужна ему, как некий ориентир, по которому происходит миграция стеклянных изделий нового поколения... Как гнездо.

Понимаю, что, сам того не желая, невольно завел речь о национальном составе нашей туристской группы, и теперь просто вынужден буду сказать, что кроме двух молдаван в ней были четыре грузина и столько же армян.

Об одном из грузин вы кое-что уже знаете. Вторым, кого отчётливо помню, был богатырь и красавец Гиви, чемпион мира по классической борьбе в тяжелом весе... этот тяжелый вес!

Уже на пятый или шестой день нашей поездки по континенту одна из австралийских газет написала, что «русские студенты старые, лыдые и у них очень много вещей, которые они еле тащат»...

Об одной поистине уникальной сумке вы уже слышаны, но в силу - закрытого или нет, я не знаю, но таинственного - это уж наверняка - эксперимента с новыми образцами своей удивительной продукции Ион со своим багажом справлялся исключительно сам. Но был у нас и другой багаж, был!

Уже в аэропорту Нового Дели, где и пробыли-то мы всего три или четыре часа, всех наших армян как раз на это время похитили их живущие в Индии соплеменники, и со встречи с ними каждый вернулся с весьма объемистым пакетом... В Бангкоке тайландские армяне забрали наших почти у трапа и к трапу же потом уже в день вылета с пополненным багажом привезли. Но это, как говорится, семечки по сравнению с тем, что началось уже в Австралии!

Наших армян то и дело куда-то забирали быстроглазые, с тяжелыми носами мужчины, вместе с ними привозили потом в студенческий городок, где обычно мы жили, большой пакет, сумку либо чемодан, оставляли и тут же уезжали обратно - у них была как будто

своя программа, а общая начиналась тогда, когда нам надо было грузиться в автобус, идущий в аэропорт, либо потом садиться в самолет...

Кажется, я уже сказал, что пилоты государственных линий бастовали, перевозкой с каждым часом прибывавшей армии авиапассажиров занимались шрейкбрехеры-частники, и в аэропортах царицей была наша родная русская неразбериха: рейсы то отменяли, то объявляли вновь, нас то сажали в какой-нибудь очередной ненадежный самолет, то из него выпихивали, и все это без багажных квитанций, без грузчиков - своими силами.

Маленькие самолетчики - нашу группу из тридцати человек дважды пришлось разбивать надвое - еле-еле взлетали, на всем протяжении пути то и дело проваливались в воздушные ямы, ложились на крыло, очень странно маневрировали, а при посадке их так болтало из стороны в сторону, будто каждый из них никак не мог прицельно попасть на посадочную полосу... Потом они долго подпрыгивали на ней, всех подбрасывало, и единственная радость была - видеть впереди улетающего прямо перед машиной кролика: Австралия все-таки!.. Она, милая!

Как-то однажды мы долго летели над океаном, а когда приземлились и вошли в аэропорт, каждому у входа вручили экстренный выпуск местной газеты: оказывается, предыдущий рейс потерпел аварию, машина упала в океан, и одного из пассажиров растерзали акулы...

Такая обстановка, само собой, не добавляла спокойствия, при посадке кое-кто нервничал, армяне со своими чемоданами, как всегда, отставали, и тут все взгляды невольно обращались к нашему Гиви: выручай!

Чемпион мира молча снимал брючный ремень, пропускал его между ручек самых тяжелых чемоданов, перекидывал их через плечо, а два не менее объемистых брал в руки и устремлялся на посадку... Человек он был не только добродушный, но и с юмором. Иногда я подходил к нему и с нарочитым грузинским акцентом читал стих:

Ах, Гиви, Гиви, Гиви, Гиви, Гиви!

Без чемодана ты такой красиви!

Он делал вид, что готов применить ко мне, стоявшему, «двойной нельсон», которым давливают уже распластанного на ковре противника, дружелюбно говорил в ухо:

- Нэ забудь!

- Да что ты, - успокаивал я его, - ну, что ты!.. Как возвращаюсь, тут же звоню.

Знаменитому «классику» Манею, Володе Манееву, кузнечанину, который несколько лет назад на Олимпийских играх в Мельбурне бросал тут всех - тоже по кузнецкой версии - «как мальчишек». Как Геннаша говорил: как котят...

Вскорости чемоданов у наших закавказских братьев прибавилось, и они настолько потяжелели, что безотказный Гиви уже не мог один с ними справиться: в критические минуты на них набрасывалась вся группа, облеплявшая их, как крошечные муравьи - исполинского таракана...

Само собой, что я уже успел рассказать нашему Гиви о близком знакомстве с Володией Манеевым, потихоньку сходявшем тогда со спортивной сцены, и потому чемпион

нынешний, в каком-то смысле сменивший знаменитого сибиряка, оказывал мне все возможные знаки душевного расположения...

Однажды это едва не закончилось для меня плохо.

Конечно же, между представителями двух соседних закавказских республик имело место тихое, постороннему глазу мало заметное соперничество... И вдруг ему представился неожиданный шанс вылиться в открытое соревнование.

Случилось это, когда вся группа однажды вечером пришла в «Барбекю», где на шведский манер платили только за вход, а там - сколько съешь... В отличие от маленьких ресторанчиков такого же типа, этот был вместительный и просторный, с горами готового для жарки мяса в витринах и между ними на стойках. Открытых печей с ходящими на цепях над ними жаровнями в разных концах имелось тоже достаточно, немногочисленные посетители выбирали по большому, с добрую ладонь, ещё холодному «стейку», бросали на жаровню и тонкими деревянными лопаточками почти тут же начинали деловито переворачивать...

Само собой, в ресторане держался хорошо знакомый всякому горячий дух жареного мяса и чуть подгоревшего жирка, и если тут, и действительно, уместно это в с я к о м у, то что такое - подобный дух для кавказца?! Не может ли тут быть самых прямых сравнений с боевым духом, который, конечно же, сразу охватывает каждого жителя гор, как только он втянет носом родной ему запах шашлыка?

И те, и другие из закавказских наших братьев - неужели бывших, думается теперь, неужели все-таки - бывших? - прямо-таки разом громко заговорили, всякий на родном своем языке заперекрикивались и тут же - так вышло, что по двое - чуть не опрометью бросились к свободным жаровням, а четверо остальных уже несли на пластиковых тарелках туда и сюда по доброй стопе отбитого мяса...

Помните сцену, когда усатый франт с тросточкой мгновенно скинул с себя пиджак?

Точно так же один за другим избавились от них все восемь наших джигитов, и в каждом из нас, уже сидевших за столиками, возникло ощущение, что присутствуем на крупных международных соревнованиях... разве теперь они, и в самом деле, не стали бы по статусу международными?

В ресторане вдруг усилился какой-то знакомый шум, сквозь который явственно прорывались тугие шлепки мяса о железную подину и тут же стремительно нарастающее шкворчание... давай, ребятки, давай!

Но вот и первые готовые стейки исходят на картонных тарелках сытным гревом...

Помню, как в детстве, коли спешил за столом, прабабушка укоряла:

- Да что ж ты, как из голодного края?

Успел надоесть поп-корн с молоком и кисловатые джемы в университетских, где нас обычно кормили, столовых при студенческих городках?

Но каждый из нашей группы «русских туристов» тоже был теперь будто из голодного края: как все навалились на горячие жареные стейки! Какая знатная пошла объедаловка!..

Участвовал в такой только за скатертью-самобранкой в родной станице, когда после очередного краевого конкурса стригалей, в котором, как всегда, побеждали наши, отрядненские, чемпионы России и даже мира, да-да, - из Австралии как раз и возвращались они с чемпионскими дипломами - так вот, когда после конкурса трудяг-стригалей в роще за Урупом, неподалеку от нашей ГЭС, на банкет выезжало районное руководство с приехавшими на праздник краснодарцами да москвичами.

Помню, как, выпив полагавшийся первым, непременно всклень стакан её, проклятой, потихоньку поднялся с намерением перебраться в «мертвую» для глаз руководства зону, как был руководством этим усажен обратно, и спас меня один из самых давних колхозных председателей, старый дружок покойного отца.

- Ты, Леонтич, лучше не спорь с ими, а ешь все, что я тебе положу, - прошептал, улучив минуту. - Килограммов семь-восемь закинь в себя - никакая водка не одолеет - хуть сколько!..

Я удивился:

- Да разве столько можно - семь-восемь?!

И опытный председатель, многолетний участник этих долгих и обильных застолий, которые для многих и многих русаков - живущих на Кавказе и по разным делам сюда приезжающих - прямо-таки заменили собой жаркие баталии прошлого, наставительно сказал:

- Нужно.

А кормильцы наши старались!

Мы уже устали жевать, уже отвалился каждый на спинку стула, а они, казалось, только входили во вкус... Может, для истинного кавказца, и действительно, важно не самому съесть сочный и запашистый кус исходящего горячим жирком во рту мяса - отвести душу, угощая друзей? По братству и теплу тоскующее сердце успокоить за давним, за тысячелетним занятием предков в счастливые дни редких во все века на Кавказе мирных праздников?

Как они, и правда, старались!

Светились потные лбы, сверкали глаза, блестели жиром испачканные ладони, под закатанными рукавами мелькали крепкие волосатые руки... Само собой, я следил за Гиви, но в эти минуты они все казались такими, как он, богатырями.

Будто, и в самом деле, наперегонки нагибались, тут же отшатывались, голыми пальцами переворачивали обжигающие плоские ломти, бросали их на тарелки, мгновенно пропускавшие жар - «подручные» двумя руками держали их за краешки.

Не только мы с понятным интересом следили за этим действием - на него глазели теперь чуть не все посетители «Барбекю»: кто-то из-за столика наблюдал издалека, некоторые поднялись и подошли ближе.

В какой-то миг показалось, что добровольные наши мастера жаркого как бы вошли в единый ритм, объединивший теперь всех восьмерых...

- Что, если бы они так же - за станком на заводе вкалывали? У доменной печки шуровали?

Конечно, мы с Митей фыркнули, но сказавший это Валера Васильев, секретарь горкома комсомола из города Серов на Урале, сам «черняк» -металлург, смотрел на нас нарочно серьёзно, чуть ли не строго:

- Я не прав?..

- Всегда говорил, что он - угрюмый ортодокс, - кивнул на Валеру земляк его Женя Панфилов, редактор молодежной газеты из Свердловска.

Эти двое были полной противоположностью: невысоконый, с мрачноватым выражением лица Валера, одетый, как большинство из нас в мешковатый темный костюм с разъехавшимся под воротником рубахи незатейливым узлом галстука и баскетбольного роста, с правильными чертами сероглазый блондин Панфилов, один из всей группы одетый в изящный льняной костюм цвет топленого молока...

Страница 9 из 12

Но «белой вороной» он был не только поэтому: тоже чуть ли не единственный из нас, Женя прилично знал английский, во всяком случае - на голубом глазу пытался всякий раз на нем разговаривать.

Скорым шагом подошел к нам Гиви, взявший в этих соревнованиях невольный тайм-аут, шлепнул перед нами на тарелочке горку стейков:

- Вам с другой печки досталось, э!.. Попробуйте моё, потом скажете!

Так же стремительно возвратился к жаровне и уже от неё кивнул: мол, ну как? Успели попробовать?

«Мясо Гиви», как мы его тут же окрестили, и действительно, было выше всяких похвал, расправившись с ним, каждый из нас осоловел от сытости, как от доброго стакана спиртного... Сидели, откинувшись на спинки стульев и будто нарочно выставив животы, когда он опять возник рядом с нами:

- Теперь па-нимаэш?.. От нашего стола вашему столу... от нашей пэчки!.. ещё по одному!

Оставлять вроде неприлично - доедали, буквально мучаясь, когда в ресторане вдруг погас свет. Несколько мгновений атели остывающие под жаровнями электропечи, тоже потом растворились в темноте, но тут возникли слабые блики в проеме двери вдалеке, одновременно из всех углов раздался усиленный громкоговорителем голос, и все начали вставать, потянулись к выходу.

- Объявили, как понимаю, «чэпэ», - со значением сказал Женя. - Что-то у них случилось...

На ступеньках рядом с дверью снаружи разводил короткими ручками толстячок в чистом фартуке, что-то говорил и учтиво кланялся, а рядом в традиционной позе с руками на груди безмолвным монументом стоял рослый полицейский.

- Просит извинить, что из-за чрезвычайных обстоятельств вынужден закрыть «Барбекю», - громко объяснила остановившаяся рядом с ним наша Энга-Энгельсина.

- Говорил вам - «чэпэ»! - укорил нас Панфилов.

- Жрать надо меньше, - с усмешкой проговорил его постоянный оппонент Валера. - Считай, разорили хозяина.

Наши вокруг стали посмеиваться:

- На ступеньках вроде веселенький стоял...

- Это его работник, - все так же невозмутимо сказал Васильев. - Хозяина с инфарктом увезли.

- Бедный мужик, и правда: откуда знал, какие тут мастера...

- Профессионалы, что ты!

- Пустил козла в огород!

- Да, - в «шведский»...

- Устроили шведам «Полтаву», устроили!

- Кормильцы-то наши где?

- Благодетели... отцы родные!

- Где, где - ещё спрашивает... Дожевывают!

- Не говори: в темноте!

Появившись на ступеньках один за другим, они, и в самом деле, ещё работали челюстями. Митя Матковский сказал:

- Аплодисменты!

Наши зааплодировали, толстячок криво улыбнулся, отворачиваясь, а полисмен вдруг снял с груди тяжелые руки и тоже громко захлопал. Деловито пожал ладонь первому проходившему мимо него джигиту, точно так же второму... пятому... седьмому.

С Гиви они крепко обнялись.

Полицейский взял под козырек, и ни один мускул так и не шевельнулся на его лице, выражавшем якобы полное безучастие ко всему... удивительная все-таки страна, эта Австралия!

Потом опять был поп-корн студенческих столовых, аккуратные комнатки общежитий, в которых мы ночевали, осмотр аудиторий, оснащенных системой телевидения и кабинетов еще с какими-то нововведениями, тихие залы библиотек, в которых тоже гордились, гордились, гордились - вывезенными из метрополии старинными фолиантами, купленными на европейских аукционах старинными картами и манускриптами...

Академическая тоска, которую вынести могли только преданные профессии преподаватели-фанатики, а не такие, как мы с Митей, новообращенные прозелиты прерывалась вдруг как-нибудь живым действием. К большой радости Валеры Васильева, представлявшего особый тип человека, о чертах которого природа мало заботится, но как бы в извинение за это дает ему пронизательные глаза и обаятельнейшую улыбку, в Питсбурге нас повезли на экскурсию на металлургический завод, и тут Валера не только преобразился и расцвел - как будто выше стал ростом.

Завод был старый, с выдавшими видами закопченными мартенами, и чуть не у ближней печки он улучил минуту, когда сталевар обопрется о черенок лопаты, подошел к нему, на ходу снимая выданную каждому из нас «гостевую» каску и протягивая руку к его рабочей, с очками темного стекла над козырьком. Надел её, опустил очки, деловито глянул в глазок бронированной задвижки, в котором играли отблески пламени от плавки, и тут же поднял над кулаком большой палец: на «во» идёт!..

Светловолосый пожилой сталевар в темно-серой суконной куртке и таких же штанах засмеялся и тоже поднял «большой», они разменялись касками, и Валера уже шагнул было к нам, но тут же вернулся, присел над тяжелыми ботинками австралийца на корточках, сперва постучал по широким носам подушечкой указательного пальца и тут же долбанул кулаком: по одному, по другому.

Сталевар снова засмеялся, поводя вбок левой рукой - мол, что ты хочешь! - и Валера жестами попросил: сними башмак!.. Ловко, как заправский сапожник, сунул внутрь лодочкой сложенную ладонь.

Сопровождавший нас заводской гид с улыбкой что-то сказал, и гид Саша прежде нашей Энги-Энгельсины перевел нам:

- Он говорит, что мистер хочет узнать профсоюзную тайну: есть ли в обуви у нашего рабочего стальные... как это? Подставки...

- Проклятые капиталисты! - завистливо ворковал Валера, когда мы снова шли рядом. - Обо всем-то они заботятся... Мелочь вроде - стальной вкладыш, но какая-нибудь тяжелая штуковина свалится - пальцы тебе уже не перебьет... На твоём-то Запсибе такие есть?

Мне пришлось усмехнуться:

- От сырости?

- А знаешь, - доверительно сказал Валера, потянувшись к моему уху. - Пожалуй, я бы остался тут...

Я так и вскинулся:

- В Австралии?!

- На заво-о-оде! - протянул беззаботно Валера. - Лишь бы только в горком на работу не идти.

И мы с ним плечом ударили друг дружку и заржали.

На просторном заводском дворе все не торопясь уже шли к «проходной», когда позади раздался тяжелый, стремительно нарастающий топот. Я обернулся, и сердце дрогнуло: что такое?!

Широким валом нас догоняла молчаливая яростная толпа.

- Ты там ничего не прихватил с собой? - озабоченно спросил Валера. - Ни в цехе, ни...

- Да брось ты!

- Может, кому в карман специально что сунули - поди потом разберись... Толпа уже обогнала нас и забилась у тесного выхода: как они друг друга отталкивали и отшвыривали... пожар? Какая-нибудь учебная тревога?

Через железную решетку забора видать было, как первые добежали до стоянки: рвали дверцы машин, забрасывая себя внутрь, почти тут же пытались набрать скорость, но сталкивались друг с дружкой - раздался звон разбитого стекла и металлический скрежет... Первые уже выскочили на «оперативный простор» - асфальтовое шоссе перед заводом: как они по нему понеслись!

Посмеиваясь над нашей явной растерянностью, Саша Гришин принялся объяснять:

- Сейчас нельзя дорогу переходить, даже если ты лично включил зеленый...

Об этой особенности уличного движения в городах Австралии мы уже знали: если у тебя в руках кислородная подушка для смертельно больного... если догоняешь улепетывающего от тебя несмышленного ребенка... да мало ли по какой уважительной причине тебе надо срочно остановить движение, чтобы перебежать на другую сторону улицы?.. Тогда немедленно подходи к столбу светофора, нажимай кнопку, которая на нем специально для этого устроена.

- А куда они понеслись?

И гид наш, подчеркивая значительность события, приподнял широко расставленные ладони:

- Настал час пива!

Пивные бары - пабы - по всей Австралии четко закрывались в шесть вечера, не позже ни коем случае, а рабочая смена почти везде заканчивалась в половине пятого-в пять. Всего часок, значит, оставался, чтобы домчаться до паба, выпить пару, а то и тройку-четверку кружек и, не поднимая скандала, чинно и благородно домой отправиться...

- Саня! - сказал я просительно. - Не томи. Выходит, у ребят, которые мчались к машинам, «горели трубы»?

- Что-что? - переспросил Саша.

И теперь уже мы ему принялись объяснять, что это такое: когда «горят трубы».

Саша наконец понял, сказал весело:

- Бывает, значит, когда «трубы горят» по всей Австралии... как наши леса. Как эвкалипт.

- При чем тут эвкалипт?

- Он ни при чем. «Трубы горят» на всем континенте, когда на пивоваренных заводах объявляют общую забастовку. Правда, такие забастовки у нас - самые кратковременные. С рабочими тут же обычно договариваются: как в такую жару - без пива?

Пошли наши комментарии: ну, ещё бы, мол!.. Только безжалостные мучители при таком климате, особенно летом, как сейчас, могут лишить соотечественников пивка!

Оно тут, и правда, лилось рекой: темное и светлое самых разных названий, с градусом повыше для сильной половины, послабей - для дам и пиво безалкогольное - детское... Конечно, это был пивной рай: с умеренным питьем на любой работе в любое время и с узаконенным профсоюзами перерывом - специально для этого.

Невольно припоминалось, как в дни полочки шахтеры сидят в нашей Кузне в ресторане «Москва», отгородившись от всего остального мира батареями одинаковых черных бутылок «жигулевского»: крупно повезло - успел взять! Насасывается теперь до очередной большой везухи: как знать, когда ещё оно в «городе угля и стали» появится?

По праздникам неизвестно откуда в наш поселок вдруг привозили явно подкисшее «бочковое», и мужички неслись к магазину с ведрами, благо у каждого ведро имеется обязательно: пропадет в квартире вода - куда за ней без ведра?..

А благодатный, как дождь в пустыне, «час пива» меж тем закончился, и надо было видеть, как медленно отъезжали теперь от пабов машины, как почти торжественно катили по городу, притормаживая перед светофором заранее, как неназойливо притыкались к тротуару - поболтать с проходившим мимо приятелем, как с той же целью дружелюбно останавливались возле подбравших, наконец сменивших за этот час гнев на милость полицейских...

Бывало, что «трубы горели» и у кого-то из нашей группы, и тогда замечавший это Саша искал повод лишний раз завести желающих в паб либо несколько бутылок вина раздобыть на какой-нибудь достаточно скучной встрече, не очень щедрой на выпивку.

Мы с Митей благодаря тесному знакомству с обладателем волшебной сумки, набитой тосковавшим в неволе крылатым «Аистом», имели возможность не только сами принять перед обедом половинку бумажного стаканчика, но и угостить наших уральцев Валеру Васильева и Женю Панфилова, так что компания наша чуть не постоянно была в приподнятом настроении. Общая склонность к полушутливому тону сделала вскоре из нас четверых чуть не профессиональных пересмешников, тем более, что было над чем иронизировать, было.

Как в каждой русской туристской группе, за рубежом имелся и среди нас человек, желавший все потрогать руками. Были в национальном парке, и возле высокой пальмы он вдруг быстренько разделся до пояса и снял туфли, вытащил из штанов брючный ремень,

застегнул на нем пряжку, нацепил на ноги, и не успели рядом сообразить, что к чему, как он уже ловко взбирался вверх... абориген!

Что правда, то правда: сорвал и сбросил нам один за другим несколько крупных и тяжелых кокосов, и мы потом не без удовольствия с ними расправились. Но прежде нам пришлось так попереживать, что наша Энга-Энгельсина заявила: в следующий раз она готова купить их полную корзину - лишь бы «подобных сцен» больше не видеть.

Дело в том, что наш Вася - так, и действительно, звали умельца - легко забрался на пальму потому, что крупные сухие черешки некогда обломавшихся пальмовых листьев острыми своими краями направлены вверх и он скользил по ним без труда, но когда стал спускаться вниз, «против шерсти»...

К чести нашего терпеливого соотечественника, пока не слез, не произнес он ни слова жалобы, но когда не то что на расцарапанной - на располованной его груди увидели потеки крови, переводчице сделалось дурно.

Страница 10 из 12

Аптечка была только у водителя оставленного достаточно далеко автобуса, решили тут же к нему возвращаться, и Васю, чтобы честной народ не пугать, окружили плотным кольцом. Но количество любопытных в Австралии - не исключено, по причине благоприятного климата - несколько выше, чем во многих других странах, в этом я теперь убежден.

Мало того, что кто-нибудь из встречных, видя возбужденную толпу, приподнимался на цыпочках - иные, чтобы заглянуть в центр непонятного скопища, расталкивали васиных телохранителей, и один из таких бросился потом куда-то бежать.

Никто из нас не придавал этому значения, но через две-три минуты посреди аллеи впереди нас вырос полисмен, стоявший все в той же монументальной, со сложенными на груди руками, позиции.

Наша толпа остановилась перед ним, он громко и строго заговорил. Энга-Энгельсина всплеснула руками, и грудь её, как писали раньше в романах, потрясли рыдания:

- Господи! - вскрикнула. - Да что же это?!

- Он говорит, что суд Линча в Австралии запрещен, и все мы арестованы, - невозмутимо перевел Саша.

Не знаю, получила ли эта история лирическое продолжение на родине, уже в Союзе, но в автобусе Энга-Энгельсина стучала кулачками по перебинтованной спине Васи и ворковала все ещё сдавленным голосом:

- Его бы стоило, стоило, стоило!

Кровавые события в Национальном парке тем не менее Васю не остановили. Через несколько дней мы шли по тропинке уже в другом парке и замерли перед выпрыгнувшей из зарослей большой самкой кенгуру. Опершись на толстый свой хвост, она сидела на мощных задних ногах, а передние лапы будто беспомощно ещё покачивались у неё перед грудью.

Что заставило Васю к ней подойти?.. Зачем он взял её за передние лапы?

Она подпрыгнула и задней ногой так ловко ударила Васю в его пострадавшую накануне грудь, что Вася, кинутый обратно в толпу, половину из нас положил на землю - точно как при игре в городки или, учитывая специфику страны пребывания, - в кегельбан.

И, думаете, приключения Васи на этом закончились?

Кабы!

Однажды в большом, прекрасно устроенном океанариуме мы были на представлении с дрессированными дельфинами, и уже шли по его территории обратно, когда мимо нас на «спецтранспорте» - в этаким наполненном морской водой подобии большой ванны на колесах - провезли акулу средних размеров. Все мы остановились, глядя ей вслед, и тут же увидели, как Вася догнал тележку с акулой и пошел сперва рядом с ней, положив руку на основание косоуго высокого плавника, но потом обеими руками вцепился в бортик, перекинул в наполненный водой кузов сначала ноги, перевалился всем телом и тут же вскарабкался на спину акулы...

Конечно, мы стояли, открыв рты.

Но акула, видать, была не из тех, кто привык ворон считать... или кого там у них - над океаном? Чаек?.. А, может, - альбатросов?

Изогнуться, чтобы цапнуть Васю, она не могла, не позволяли размеры ванны, зато она удивительным образом всем телом вдруг вскинулась, Вася взлетел над ней, как неопытный ковбой над мустангом и шлепнулся на асфальт.

Когда к нему подбежали, он уже сидел на попе и тряс головой.

Выслушав три эти истории, можно, пожалуй, подумать, что Вася был какой-нибудь деревенский лопух... не на-адо!

Буквально через несколько дней наша почти неразлучная четверка шла по улице - как вы, наверное, поняли, ни городов, ни штатов, в которых они находятся, не называю, чтобы не листать старые блокноты, не лезть в справочники и - несмотря на это на все - ошибиться... И ещё: в том ли суть?

Рассказываю, что запомнил, кого и к а к - разве это не главное?

Так вот, через несколько дней шли мы по улице и впереди увидели Васю, стоявшего на самом краю тротуара в некой как бы выжидательной позе.

- Смотрите-ка! - догадался первым Митя Матковский. - Неужели, и правда?

- Неужели и правда, что это - Вася?

- Смотри-смотри-и!

Прямо-таки рядышком с Васей к тротуару приткнулась открытая легковушка красного цвета, сидевшая за рулем жгучая брюнетка слегка откинувшись, обеими руками поправляя

длинные локоны, и Вася, словно разглядывая её, вытянул шею, но тут же выпрямился и ладонью покачал: нет-нет, мол, нет-нет!..

Слегка вскинув пряди по бокам, дама бросила руки вниз, машина резко взяла с места, а Вася, как боец перед новым раундом, перебрал плечами и снова принял назависимый вид.

- Ловит, ребята!.. Проституток ловит!

- Ну, что уж вы так грубо... кадрит.

- Автопроституток, да.

- Откуда у него деньги?

- Дашь, ха!... Да он - на товар поглядеть, поприсячься...

- Как-то вы неэстетично... без поэзии.

- Полюбоваться красотой... - ... жриц любви...

- Хотя бы так.

- Смотри! - снова выдохнул Митя. - Посмотри-и-и!

Глянули, куда он кивнул: чуть поодаль от остановки, с которой мы под прикрытием имевшей место некоторой толпы вели невольное наблюдение, стояла та сама открытая красная машина, замыкавшая достаточно длинный ряд тоже приткнувшихся к обочине непосредственно перед нею разнокалиберных легковушек, а рядом на тротуаре, словно обиженная чем-то компания глухонемых, отчаянно друг перед дружкой жестикулировали несколько девчат в мини-юбчонках и чуть не до пупа открытых кофточках.

- Производственное совещание, - меланхолично констатировал Валера.

- Пятиминутка, да.

Но Валера шутливого тона не принял:

- Могу спорить: решают, как этому слишком разборчивому клиенту набить морду.

- Ты так думаешь?

- Наверняка есть какие-то свои правила, которые легко нарушить...

- Вот!.. Инструкций наполучали чуть не на все случаи жизни, а на этот счет - нет.

- А Вася теперь за чей-то недосмотр отвечай!

Поглядывая в нашу сторону, «автомобилистки», и правда, отклонялись кто влево, кто вправо, чтобы видать было улицу дальше за остановкой.

- А он и не посмотрит в их сторону...

- Для него они в прошлом. А он глядит в будущее.

Митя снова первый удивился:

- Смотри-и-и-и!..

У Васиных ног на мягких рессорах качнулся и замер передок роскошной «импалы» кофейного цвета, дверца открылась, и Вася склонился как над витриной.

- А если он не выдержит, сядет к ней?

- Придется выкупать потом... скидываться.

- Хуже, если у него сейчас отскочит пуговка от штанов и крыло поцарапает - тогда не расплатимся!

А Вася уже развел руками и печально головою покачивал: нет, мол. Все-таки - нет!

Что его там не устроило - ну, не эстет ли?!

Но дама почему-то не отъезжала от него, и это словно подстегнуло её коллег: стайкой заторопились от своих машин.

- Пошли заберём, добром не кончится! - быстро сказал Валера, и мы кинулись влед за ним.

Все-таки они обогнали нас, взяли Васю в кольцо.

И тут настал звездный час Панфилова:

- Сорри! - раздался его уверенный голос. - Сорри!

Уже стоял посреди кружка, прикрыв спиной Васю, что-то говорил, обводя раскрытой пятернею их всех, воздел потом обе руки и тут же прикрыл глаза ладонями: просто теряюсь, мол, кто из вас симпатичней!

Как они все расцвели, как они вдруг к нему потянулись: неужели, и правда, так шпарит по-английски?.. Или тут не надо и языка - только смотри на него: ведь, и правда, подлец, неотразим!

- Вот за него я платить не буду - пусть сам, - в сдержанной своей манере сказал Валера.

Митя усмехнулся:

- О чем ты?.. Это они, по-моему, уже сбрасываются, чтобы ему заплатить!

Насчет этого не уверен, но то, что каждая из них одна за другой горячо Женю обняла, щедро или хотя бы в щечку поцеловала - это уж точно было!..

Чем он их, и действительно, взял?

И кто бы из нас после этого плечи не распрямил и не задрал подбородок?

Точно так же, как Валера - в мартеновском цехе в Питсбурге, после спасения им незадачливого Васи расцвел Женя. Энга-Энгельсина только готовилась рот раскрыть, а он уже вместо неё переводил. Более того: Саша Гришин, наш постоянный гид, лишь протягивал руку что-нибудь показать, а Женя уже объяснял, что мы видим.

- Он не надоел тебе? - как-то спросил Валера. И тут же предложил: - Может, давай-ка разыграем: передадим ему привет, а?

Я сперва не понял: какой, мол, привет?

- Что, перед поездкой никто с тобой не говорил?

Вон оно: конечно же, говорили!

Уже перед самым моим отъездом из нашей Кузни мне позвонил уполномоченный КГБ на нашей стройке, предложил повидаться, а, когда увиделись, попросил: если кто-то за рубежом, где бы то ни было, передаст тебе от меня привет, ты уж вспомни-то Владимира Иваныча, а?.. Вдруг придется в чем-то помочь, мало ли... не забудешь?

- Ты как раз эти «приветы» передаешь? - спросил у Валеры.

- Да нет, - отмахнулся он. - Ты не понял. С ним ведь тоже наверняка говорили: давай «проверим на вшивость»?

Вечером мы улучили минуту, когда наш друг Женя блистал на очередной встрече с преподавателями университета, как бы ненароком стали по обеим сторонам от него, и я тихонько сказал:

- Тебе привет, Женя!

Он запнулся на полуслове, спросил севшим голосом:

- От кого?

- Выйдем отсюда, - негромко предложил Валера.

Женя приложил руку к левому лацкану своего льняного, цвета топленого молока, пиджака, извиняясь перед собеседниками за прерванную беседу:

- Сорри, сорри!

Послушно вышел впереди нас, почти тут же спросил:

- От кого привет?

Мы с Валерой, как следовало по совместному сценарию, принялись озираться по сторонам:

- Маленько отойдем ещё...

- Да, не здесь.

Пошли по аллее, тут же повернули вбок, и я снова как бы между прочим сказал:

- Привет тебе, Женя. Он остановился:

- От кого?

Валера посмотрел влево и вправо, строго сказал:

- Не здесь.

- Давай ещё пройдем, - поддержал я.

Прошли ещё, оглянулись, перешагнули через кустарник, углубились в островок молодых эвкалиптов и снова оглянулись:

- Здесь, кажется, можно...

Валера предупредил шепотом:

- Везде слушают!

- Что делать, все равно надо работать!.. Женя, привет тебе...

Он дернулся, не то что уже нетерпеливо - почти с возмущением прошипел:

- Да от кого?!

- От Юрия Владимировича.

- От Юрия Владимировича? - переспросил Женя с явным подозрением. - От какого Юрия Владимировича?

Мне пришлось только руками развести:

- Ну, ты даёшь!.. Юрия Владимировича забыть - это уж слишком.

Он уже чуть не кричал:

- Да от какого, какого?!

- От Андропова, тудыть твою! - громко сказал Валера.

Тут наш свердловский друг завернул девятиэтажным и только потом, качая головой, сказал с завистью:

- Вот суки!

Как будто специально таким вот образом мы «набирали очки», которые давали право ощущать себя понимающей все и вся вольной вольницей... И правда. А не пошли бы все, ребята?..

Диктующие без конца: как нам жить.

Кто это наше русское сопротивление чужой воле объяснит?

С его парадоксом: увижу, что родина, и в самом деле, в опасности - шагну первым. Но для чего вы меня почти постоянно испытываете?

И не случилось ли, в конце концов, то, что должно было случиться: уж если профессионалы, которым всё должно быть известно, не встали в миг опасности первыми и сдали нас почти тут же, чего с нас-то взять?

Кому к тому времени так надоела постоянная лапша на ушах.

Но кто нам, русакам, нас же когда-нибудь объяснит?

Или - поздно, поздно?.. Уже в пустой след.

Однажды мы вошли в просторный магазин спортивных товаров, связанных, как понимаю, с океаном, с морскими прогулками, с ловлей рыбы... Чего тут только, и действительно, не было!

Стояли на деревянных катках белые яхты, шлюпки и моторные лодки, рядами прислонились к стенам разноцветные доски для серфинга, и в проемах между очень высокими окнами слоями, как в магазине тканей у нас, висели косые яркие паруса... Ходили по этому громадному эллингу, рассматривая то богатую, то спартанскую экипировку, акваланги и спиннинги. Склонялись над длиннющими стойками, где под стеклом в обилии лежали большие и маленькие катушки, блёсны самого разного размера и вида, всякой толщины леска, рыболовные крючки, крючищи, крючечки, ножички, ножи и ножищи, фонарики-фонари-фонарищи... недаром же в разных концах магазина то и дело слышался восхищенный мат, который тоже можно разделить по степени сложности...

Как ещё в последнее время иначе может русский человек выразить душевный восторг? Нет, никак! Иначе - просто отвык.

Хорошо, правда, то, что в самых разных частях света, в самых дальних уголках на краю земли русская, по-ученому скажем, элоквенция служит как бы позывными, на которые по всему миру откликаются путешествующие либо давно заблудшие в слишком долгих путешествиях славянские души... Неужели других позывных у нас так-таки нет и уже никогда не будет?

- Земляки? - с дружелюбной и чуть грустной улыбкой подошел к нам высокий и вальяжный блондин с крупными, но удивительно мягкими чертами лица - этаким давно отказавшийся от ратных дел и предпочёвший им исключительно мирные забавы богатырь.
- А я слышу в своем магазине родную речь... Добрый день, земляки, добрый день!.. Кто вы, если это не тайна? Откуда?

Первым делом ему возразили: мол, какая тут может быть тайна?.. При чем тут?

Усмешка исчезла, на красивом его и добром лице осталась печаль:

- Да что вы! Как в наших русских делах - да без тайны? Особенно в последние времена, особенно - в последние...

Стали объяснять, что все мы из разных мест, группа - с бору по сосенке, и кто-то тут же спросил: сам-то откуда родом?

- О, моя родина- Харбин, когда-то это был русский город, земляки!.. Звать Владимир...

- А отчество?

- Будем без отчества, земляки. Хотелось, чтобы вы, правда, поняли: Владимир - это не в честь Ульянова, как у вас потом повелось. В честь князя Владимира Красное Солнышко, крестившего нашу святую Русь...

- А здесь давно?

- Не так давно, земляки, не так... Когда китайцы предложили нам убраться, и наш Харбин стал пустеть... а какие там люди были, земляки, если б вы знали - какие люди!.. Всю семью отец, царство ему небесное, вывез сперва в Гонконг, потом был Таиланд, поскитались по островам и в конце концов здесь осели: в Австралии довольно много своих, русских из старой эмиграции - офицеры, гвардейцы, казаки. Потом, правда, их сильно разбавили «комы»... перебежчики, что служили у немцев... бывшие пленные. И хоть с ними - уже не тот разговор... даже речь не та...

- Нельзя - по душам?

- Душа в языке, - сказал он мягко и вместе с тем с такой твердой верой. - Недавно прилетал сюда ваш знаменитый поэт - Евтушенко...

- О, Женя уже и тут успел!..

- Это вы верно: наш пострел поспел везде... в а ш. Я потом так и понял. А сперва я решил пойти на его концерт, чтобы услышать родную речь, так вышло - давно тогда не общался с русскими. Билеты стоили очень дорого. Пятьдесят долларов, самые дешевые тридцать. Но я решил заплатить... и что же?.. Какая это русская поэзия, если он хорошо не умеет - по-русски?

Когда он провел нас по своему обширному магазину, все уже звали его Володей, все были на ты, и все, пошучивая, говорили одно и то же: живем, мол, в городах на малых реках - ну, куда нам яхты твои, Володя?.. И хотелось бы тебя выручить, но...

Я купил у него электрический фонарь на четыре батарейки, который от плёса до плёса пробивал потом туманец на Средней Терси. Ещё один из наших купил для своей моторки баранку цвета слоновой кости.

Когда прощались, стали утешать его: мол, ты тут держись!

- Держусь! - печально сказал он. - Но очень плохо без друга...

Кто-то решил пошутить:

- Выходит, слово «дефицит» и вам тут понятно?

- О! - сказал он благожелательно и печально. - Наверное, многие из вас по разным причинам ещё не догадываются, какой это, в самом деле, дефицит в нашем мире: верный товарищ.

С ним уже попрощались, уже толпились у выхода, когда он вдруг громко сказал:

- Имелся у меня. Имелся!

Приостановились: никто не понял, о чем он.

- Имелся верный товарищ, - сказал Владимир порывисто, чего от него, казалось, нельзя было ожидать - так был до этого безмятежно спокоен, несмотря ни на что, только и того - чуть насмешлив.

- Здесь, в Австралии?..

- На островах, - начал он. - Там американские базы, а он перелетел к ним: это во время корейской войны, когда русские ребята сбивали их, как хотели!

- Ты так говоришь...

- Он так говорил, царство ему небесное. Он был ас. Герой Советского Союза. Подполковник. Но его замучил полиморсос...

- Что-что, Володя?

- Такая болезнь? - спросила чувствующая свою ответственность перед группой Энга.

- Не знаете? - удивился он. - Это странно. Наверное, среди вас нет военных?.. Я тоже сперва спросил его: что это такое - этот чудовищный полиморсос? И Петя стал мне рассказывать о старом комиссаре, от которого он это услышал... этим полиморсосом тот и доконал его.

- И что этот самый полиморсос?

- В сокращении: политико-моральное состояние. Так было у большевиков раньше модно. Потом мода ушла, осталась только привычка у самых старых... самых заядлых, так?.. И он все приставал к Петру: как твой полиморсос?.. Замечаю, мол, что-то не так. А Петр выпивал, правда. Особенно после боя. А тот все приставал: как, как?.. Гляжу, не читаешь книги основоположников марксизма... Да не пошел бы ты с ними куда подальше? - спросил у него однажды Петя. Тот возмутился, они заспорили, и друг мой сказал: или ты перестанешь говорить глупости или я перелечу к американцам... подумали, шутит. А он взял и улетел. И оставил письмо: прошу не винить - пусть будет виноват замполит со своим дерьмовым полиморсосом... Американцы сперва присматривались к нему, потом стали давать полеты. Старался сбивать корейцев, но потом пришлось сбить русского...

- Своего?!

- Он был ас, - мягко сказал Володя. - Был профессионал. А это ведь как болезнь: кто кого...

- И много он сбил?

- Я думаю, много он не успел. К нему придрался капеллан, и он тоже послал его. И начал пить сильнее, чем там, его отстранили от полетов, и он совсем затосковал и сказал мне: Володя, я улечу. Я перед родиной виноват. И умереть я хочу на родине, а не в этом раю... Недели две он не пил, готовился, потом перед самым вылетом сбил с ног пилота-американца и прыгнул в машину... За ним поднялась тройка истребителей. Двух он сбил, но третий поджег его. Парашюта у него не было... Когда американцы пришли ко мне, и мы крепко пили... как Петр, а, может, ещё сильнее... пилоты сказали: у него кончилась пулеметная лента и снаряды в пушке. Иначе бы сбил их всех.

Теперь, через много лет, думаю: как оно, для пилота, звучит - царство небесное.

Он ведь, и в самом деле, в небе царствовал.

Петр - твердый как камень.

Да только - в ином небе...

А о том, которое имел в виду хозяин спортивного магазина Володя, был у нас потом разговор с университетским патером Джекобом.

Шла последняя по нашей программе встреча с преподавателями, когда Валера Васильев, стоявший напротив благообразного, средних лет человека в темной сутане с белым воротничком, позвал меня глазами и жестами: мол, выручай!

Я подошел, мы чокнулись с его собеседником, все трое выпили, и Валера сказал:

- Патер Джекоб спросил, есть ли среди нас верующие, и я указал ему на тебя. Подтверди либо опровергни, - и наставил на меня палец, спросил уже как бы в расчете на мой ответ патеру: - Ты - верующий?

Поскольку пребывал в прекрасном расположении духа, уже и до этого порядочно подогретом, то чуть не закричал:

- Более того, более!.. В нашем городе я руководитель местного отделения ордена домниканцев... Домниканцы, отец Джекоб, - вы понимаете?

- Ты чего несешь? - спросил Валера сквозь зубы.

- Почему это я «несу»?.. Думаю, в своем Серове ты тоже к нему принадлежишь, к этому ордену домниканцев... От слова «домна».

Как Валера обрадовался, как тут же взялся не то что на ломаном - на ломаннейшем английском объяснять пастору, что да, есть в России, и действительно, такой славный религиозный орден, к которому он со своим сибирским другом имеет честь принадлежать...

- Оу? - изумлялся пастор, словно хоть что-то да понимал. - Оу?!

Взял бутылку «Длинного Джона», всем троим налил по полной и жестами показал: предлагает - за нас с Валерой! За наш орден!..

Может, то, что происходило потом в этот вечер - и действительно, одно из самых ярких доказательств удивительной схожести характеров потомков австралийских каторжан и ссыльных сибирских варнаков?

Поглядев на жалкий остаток виски, патер Джекоб не стал даже разливать его.

Пойдем к нему, позвал жестами. Сердцем чувствует, мы - хорошие люди. А для таких у него всегда найдется что выпить. Устроит нас «Белая лошадь»? Тогда в чем дело - пошли!

И мы выпили уже в квартирке, которую занимал он при общежитии. Выпили «на брудершафт» и сразу же заговорили, ну прямо-таки на одном языке.

- Транслэйта, Джекоб! - свойски говорил Валера, показывая на бутылку виски. - Гуд транслэйта!

- Йес! - соглашался патер. - Переводщик. Карашо! Иногда мы помогали друг дружке:

- Яков наш просит об ордене рассказать, - толмачил Валера.

- Да чё с этим орденом, Яша? - переспрашивал я уже на дружеский сибирский манер и точно с такую интонацией, с какой молодой, без году неделя, монтажник, собирался обычно мне рассказать «всю свою жизнь с самого начала». - Нормальный, однако, орден, старик. Нормальный!.. Представь себе: живешь на Богом забытой стройке и год, и два, и четыре года... Вроде ударная, а никакого движения: сплошные простои. Летом комарьё, а зимой холодюка, и только чистый спирт в магазине. Девяносто шесть градусов. Пять шестьдесят семь бутылка. Это не «Белая лошадь» в твоей Лимонии!.. А потом вдруг началось, понимаешь?.. День и ночь без сна. В три смены один у другого на ушах - и вот она, домна!.. Этого, Яша, не объяснишь - это, старик, надо видеть!.. Мертвая была, груда железа, да и все, но вот твои товарищи, все мы вместе... как будто одухотворили своим трудом: ты знаешь, что такое пуск домны?.. Э!..

Правой патер взял со стола бутылку, наставил на неё указательный палец левой:

- Переводщик?

- Иес-йес! - подтвердил Валера. - Транслэйта!.. Еще по граммულке.

- Так вот слушай, - тут же начал я, когда выпили. - Пуск!.. Это опупеть, Яша. Это, старик, надо видеть. Летку пробили, и огненные комки кокса летят через всю литейку... скажу тебе! И вдруг - малиновый поток чугуна, и над ним приподнимается зарево... помигивает... и устанавливается такой удивительный свет... удивительный!

- Лайта, лайта! - помогает Валера.

Нет, недаром жили они с Панфиловым в одной комнате - недаром. Патер силится что-то насчет света спросить, начинает отчаянно жестикулировать: маунтэйн, повторяет. Гора!.. Гора!

- Фейерверк на горе? - пытается уловить Валера. - В честь чего... кого... какая гора?

И я вдруг неожиданно понимаю:

- Маунтэйн Фавор?.. Свет на горе. Фаворский свет, Яша! Над Иисусом Христом...

- Карашо! - кричит радостно Джекоб. И спрашивает глазами: такой же, мол, свет?

- Н-не совсем, Яша, - все-таки сдаю я назад. Но и домну - Домну Запсибовну, как уважительно у нас её называли, - тоже не хочется обижать. - Н-не совсем, старик. Но очень похожий свет...

- Спрашивает, потом-то - что? - помогает Валера.

- Потом!.. Потом раздают награды... большие премии... звания. А кому хрен в сумку, тому и остается этот громадный орден - один на всех. Она, родимая: домна!.. И свет от неё озаряет потом самые хмурые твои и тоскливые дни. Потому мы и домниканцы...

- Запудрил ты ему! - говорит Валера тоскливо. - Красиво, но ему не понять, - и обращается к патеру. - Транслэйта?..

- Оу! - с восторгом откликается тот. - Переводщик?

- Я понял, он спрашивает, какой это всё-таки орден: католический или протестантский? - говорит Валера.

- Яша! - обнимаю его. - Старик! Неужели так и не понял, что мы - протестанты?.. Всю жизнь протестуем против всякой хреновины, которой у нас больше, чем до фига...

- Но! - кричит он чуть не с испугом. - Кэталик!..

Горячо и долго о чем-то толкует, и мы с Валерой, помогая один другому догадками, наконец понимаем: мол, как же так? Этот орден и создан-то был для борьбы с реформаторами, недаром же инквизиция - это его дитя. А протестантизм - плод реформ.

- Это у вас, правильно, - соглашается Валера. - Но у нас же все через задницу... Сами себе создаем трудности и сами потом с ними боремся... транслэйта?

После очередной порции «Белой лошади» Патер Джекоб мрачнеет, то и дело качает головой, будто и в самом деле сочувствует нашим русским проблемам, и начинает меня расспрашивать уже о другом: какая у меня дома Библия?.. Есть ли ещё какие богословские книги? Можно ли в Сибири строить церкви?

О, у меня старинная Библия, Яша! - начинаю ему рассказывать. - Мне её подарил в тайге, где много снега и очень холодно, старик с большой белой бородой, очень сильный старик, до сих пор на медведя ходит, о-о!.. Есть и другие книги, много!

Об этих других так запросто уже не расскажешь: не поймут эти капиталисты, не поймут!

Тут штука в том, что время от времени домой мне звонит председатель нашего Заводского райсовета Петр Семеныч Щетинин и со значением в голосе приглашает: «Зайди!.. Кое-что есть для тебя». Иду, и он достает из ящика стола то потрепанный, без обложки, «Новый завет», а то прилично сохранившийся «Псалтирь».

- Бери. Обещал тебе?

- Витя? - спрашиваю. - Опять?

- У, во-всю шерстит!

Витя Городовиков - ещё один районный уполномоченный «гэбе», который занимается больше идеологическими проблемами.

- Он хоть людей-то не обижает?

- Да ну!.. Отберет, и все.

- Ты хоть не говори ему, Семеныч, что мне потом отдаешь, - прошу Щетинина. - А то ему мои опусы вроде нравятся - начнет для меня нарочно отбирать!

- Давал тебе слово? - строго спрашивает Щетинин.

- Давал, Семеныч, давал!

- Так что ж ты меня - за мальчика?

Вот: как обо всем этом - патеру Джекобу? Другу Яше.

Тут одним «переводчиком»-виски не обойтись...

А он будто понял: приоткрыл дверцу книжного шкафа, достал еще бутылку.

- Карашо?

- Ты гигант, Яша! - одобрил Валера.

А я тут же к делу приступил:

- Ну, тогда слушай: рядом с Кузней нашей, с Новокузнецком, ещё один такой же пролетарский город - Прокопьевск. Прокопа... Там, правда, больше шахтеров. Вообще большой город. А церковь в старой избе. Завалюшка и завалюшка. Пробили наконец разрешение, стали потихоньку строить, а батюшка в горисполкоме и говорит... понимаешь? Муниципалитет, да. Он там и говорит: место дали рядом с пивной... с пабом, да. Понимаешь? А где пьют, там и льют... нехорошо! Можно, говорит, мы свою стройку забором обнесем, чтобы старушки от такого безобразия не плевались... В муниципалитете посмеялись: давай! Обноси. И он отгрохал такой заборище! А когда церковь построили - ничего себе!.. Не такая высокая, зато в длину и в ширину... А он уже не первый храм строит таким вот макаром... его отец Александр. Пивоваров его фамилия. Уже пятый храм вот так, представляешь?.. Да так быстро!

- А чего не покажешь Якову, что нынче приобрел-то, - вдруг вспоминает Валера.

А правда!..

Уже перед самой встречей купил в сувенирной лавке фарфоровую фигурку Христа в белых одеждах и с алым сердечком, от которого отходят крошечные, такие же алые лучики... Давно к такой в разных магазинах присматривался, а тут наконец решился - из-за меня нам даже пришлось задержаться, не успели потом зайти в свою комнату переодеться.

Из небольшого портфельчика-папки, которую я всюду таскал с собой из-за ручки с блокнотом, друг мой уже доставал небольшой бумажный сверток:

- Покажи, в самом деле, Якову!

Я развернул фарфоровую вещицу, протянул пастору:

- Это я в Сибирь с собой, Яша, повезу... ин Сайбэрия!

Какое-то мгновение Джекоб оторопело смотрел на статуэтку, потом взял её у меня, торжественно поднес обеими руками к губам. Поцеловал ноги Христа и бережно поставил статуэтку на стол. Поднес потом к губам крестик, висевший на цепочке поверх сутаны, снял его с себя, надел мне на шею и крепко меня обнял...

Утром я первым делом нащупал его у себя на груди, открыл потом один глаз, другой... На деревянном полукреслице рядом с кроватью один на другом лежали три толстых тома, и верхний был прикрыт большим, в ладонь, старым бронзовым крестом с черным распятием...

Но, впрочем, поддерживал и прибавлял нам сил ещё и витающий над городами Австралии, над всеми штатами её, над почти необъятным континентом, так хорошо знакомый нам свободный дух первопродчества?

Общий с Сибирью дух.

Окончание следует...

г. Москва - г. Майкоп, Республика Адыгея

Страница 1 из 8

[*Окончание. Начало в журнале «Огни Кузбасса» № 4 за 2007 год](#)

Какие люди!

...Опять я долго смотрел на трехтомник Солженицына, поверх которого лежал большой бронзовый крест с распятием и рядом с ним крошечною серебристо-черной горюшкой – некрупные бусинки с маленьким алюминиевым крестиком. Как все-таки я решился оставить все это в чемодане? Как в него не заглянули таможенники?..

За плотными оконными шторами послышался говор, смех, скрип снега под ногами: первая смена стекалась к рабочему поезду, к автобусам да «коробочкам» с крупными буквами по брезенту над кабинками: «Люди».

Вчера увидел «коробочку» монтажников, где перед этой надписью шутники добавили ещё одно слово: какие.

«Какие люди»!

А, может, это вовсе не шутка? Осознание в себе чего-то такого, чего нас, без конца говоря о нашем долге, лишали исподволь воли?

Какие, и правда, люди, – мне ли не знать!

Но мне ли не знать и другого: как мы тут живём...

Всякое утро один и тот же знакомый звук и всякое утро чем-то вроде бы разный, который день постоянно напоминал, что кончилась австралийская сказка, всё, опять наступило привычное поселочное житье... привычное ли?

Такой жестокий самоанализ меня до сих пор не мучил, ни одно из давно испытанных средств, которые казались раньше надежными, теперь не спасало...

Замолчи, самоанализ, – замолчи!

Все равно сгоришь ты в доменной печи! –

этот стишок-выручалочку я придумал ещё в шестидесятом, им пользовались чуть ли не все в нашей редакции: я уже ушел на «вольные хлеба», а он там остался – в наследство таким несгибаемым бойцам, как Пашка – эх, Паша, Паша! – Мелехин... и если бы он был одинок!

Чем этот стишок был хорош, вместо домны, когда она заработала, наконец, вставили очередной «пусковой объект» – стих был как детский «конструктор»...

«Гениально, шеф! – кричал ещё когда Роберт Кесслер. – Я думаю, это твое бессмертное творение одобрил бы сам академик Иван Павлович Бардин – оно рассчитано на полный металлургический цикл!»

Как он там, в своем Ростове? Казачура-немец, в армянской Нахичевани...

«Замолчи, самоанализ – замолчи!» – в который раз пытался я воодушевленно начать, но внутренний пыл тут же и погасал – что-то кисло у меня это выходило...

Возвращался в мыслях к поездке, к последнему яркому впечатлению – шмону уже на нашей таможне, во Внуково – знатный, знатный был шмон!

Толпились в очереди, и кто-то вдруг сказал, что сувенирные индийские ножи тоже будут отбирать. Чтобы не отобрали, надо отломить лезвие от ручки, а дома потом приварить – все дела.

С матерками и вздохами взялись открывать чемоданы, доставать кривые ножки в резных колодочках из красного дерева... Гиви подкладывал лезвие под подошву, рывком приподнимал ручку. Слышался хруст металла, и Гиви краем башмака отодвигал лезвие в сторонку, отдавал ручку владельцу и тут же протягивал ладонь за новым ножиком...

Хорошо, что я тогда не поддался. Будь что будет, решил. Если отберут – пусть все вместе. Нет – нет.

Кто же все-таки меня выручил? Грузины? Саша за меня поручился, и – все дела. Или – армяне? Эти само собою – невольно.

– Развяжите-ка! – сперва как бы походя сказал таможенник, поведя подбородком на первый безразмерный, перетянутый тонкими веревками чемодан.

Как возмущенно братья-армяне на родном языке на это откликнулись, как гневно и в то же время со страхом в глазах запереглядывались, как выжидательно уставились потом на своего старшего, невозмутимо стоявшего последним из них вальяжного цековского работника.

– Развязывайте, развязывайте! – погромче потребовал таможенник.

Опять они загалдели, как вспугнутая стая ворон, опять в конце концов уставились на своего старшего.

Он уже пробирался в начало очереди.

– Это обязательно, товарищ? – спросил строго.

Вместо ответа таможенник почти незаметным, стремительным движением достал из кармана крошечный перочинный ножичек, ловко чиркнул по веревкам, они распались. Он снова указал подбородком:

– Открывайте!

На стойку рядом одна за другой вылетали вещи, отдельно выкладывались объёмистые пакеты:

– Передача? – бесстрастным тоном интересовался таможенник. – А почему написали в декларации, что их у вас нет?.. Это – ещё одна. И – ещё?!

Все выше росли на стойках горы шмотья, все тише становились братья-армяне, все слышнее был треск лопнувших под ножичком веревок.

С нарочито скучающими лицами стояли чуть в сторонке ожидавшие своей очереди грузины. Подполковник Саша и вовсе отвернулся от красочного зрелища армянского баракла...

Все наши переглядывались вроде бы сочувственно, как бы даже и виновато, но в глазах у многих поигрывало подобие некоторого торжества – шел отыгрыш за невольную обязанность таскать эти сундуки, за наши опоздания из-за них, за насмешливые статьи в австралийских газетах...

– Вот ты, Думитру, закоснел там в своей Молдавии, – взялся я подначивать Митю. – Оторвался от жизни, не веришь политическим лозунгам и формулировкам наших идеологов... Но разве ты не испытываешь сейчас вместе со всеми, извини, чувство глубокого удовлетворения?

Митя прыснул так, что невольно бросил ко рту ладонь. Оторвал её от своих смоляных усов, поднял палец.

– Я бы даже сказал: глубочайшего!

Ну, ещё бы: одно дело – помогать директору коньячного завода с пузатой его сумкой, похожей на гнездо аиста, и совсем другое – с этими бесплодными для остальных в группе, как скалы в горах Армении, чемоданами...

...Губы мои кривились в усмешке, но что-то невеселой она была, нет – невеселой!

В прихожей затоптались, раздались голоса: нетерпеливый, но даже в этом нетерпении ласковый голос жены, которая уже явно опаздывала, и спокойный, глухой со сна разговор шестилетнего сына.

Вышел поцеловать Ларису, помахать Жорику:

– Пока, Хлёбальник!

Такие у нас тогда были ласковые слова.

Попробовал было сесть за работу, но дело явно не шло и не собиралось идти – не то было настроение, нет, не то...

Снова с тоской поглядел на трехтомник с лежавшим на нем крестом: не могли на русском издать Альсан-Саича... Как теперь к нему подступиться? Клялся пастору, что буду по этим книгам учить английский... на английском потом письмо ему напишу... или этого не было – обещания письма на английском? Но вот мелькнуло в памяти. Откуда взялось?.. Значит, было?!

Гуд дэй, Альсан-Саич!.. Гуд дэй. Гуд бай, пата!

Патер, то-есть. Пастор... Гуд бай! И в самом деле, забыть бы весь этот кошмар... замолчи, самоанализ, гуд бай!..

Гуд дэй, люди за окном, добровольцы-первопроходцы – гуд дэй!

Звонок междугородной затрещал без остановки: девочки, как всегда, старались... или это уж – слишком?

– Гарий Леонтьевич? – напористо раздалось в трубке. – Будете говорить: обком партии.

И тут же послышался громкий и насмешливый женский голос:

– Это Зинаида Васильевна Кузьмина, Гарик!..

Секретарь по идеологии – ничего себе!

Страница 2 из 8

Лихо и весело принялась она тереть меня в порошок:

– Тебя хоть поприветствовать можно?.. А поздравить с возвращением на родную землю? На родную твою Антоновскую площадку... есть у тебя время, не помешала? А то ведь звонишь вот так и не знаешь: станет разговаривать или...

Конечно же, совершенно искренне я забормотал:

– Да что вы, Зин Васильевна, что вы!

– Думала, приедешь ко мне. Поговорим – расскажешь. Такое дальнее путешествие всё-таки. Не Таштагол, не Бенжереп или Барзас, а?! А он не едет и не едет. Наверно, думаю, некогда ему, бедному! Совсем заработался. Может, думаю, мне – самой к нему?.. Я приеду! Примешь? Найдется у тебя время?

Был прямо-таки позыв – громко взвыть, но я что-то такое бормотал: давно собирался к вам, но так, мол, вышло... хотел сразу – не получилось... то одно потом, то другое... какие-то все дела...

– Я ведь вот рвусь к тебе – придется все дела бросить! -властно перебила она.

– Еду, Зин Васильевна, еду! – пообещал чуть не на крике. Также властно она спросила:

– Когда?

– Завтра, Зин Васильевна!

– Будешь завтра? Или завтра выезжаешь?

– Буду, Зин Васильевна, буду!

– Жду тебя завтра в девять. И положила трубку.

Как не виться веревочке, а конец-то, конец... Вот уже и видать его. Собирайся!

«Надев перевязь и не боясь! – вспыхнуло протестом против жалкого, как поджатый собачий хвост, недавнего своего голоса. – Ни зноя!.. Ни стужи! Ни града.. Весел и смел, шел рыцарь и пел!»

Только не «на кутние» пел бы, эх: в станице «петь на кутние», на коренные-то – кричать, как дитё, у которого зубы режутся. Дитя великовозрастное, и действительно, – ну, держись!

По дороге в поезде вдруг припомнилось, как год назад по поводу выпивки «осуждали» меня в Новокузнецком горкоме комсомола...

Поздней осенью съехались на областную конференцию, и в перерыве я кинулся в Союз писателей, в бухгалтерии успел выхватить «по бюллетеню» около пяти сотенных: перед этим повредил на охоте ногу и два месяца хромал, вначале в гипсе, потом уже без него.

А куда настоящий-то писатель из бухгалтерии отправляется? Всё правильно: в буфет! Научил меня Ярослав Васильич, наставил...

Конференция проходила в театре оперетты, и в буфете мы сживали, бывало, то с Буравлевым, а то с Ильёй Ляховым, старым, ещё по Новокузнецку, дружком из наших морозоустойчивых «сибираков».

Чего там разминаться: взял сразу пару бутылок югославского бренди, подозвал кого-то из задержавшихся возле стойки старых знакомых, налил по стопке, мы выпили, и я попросил его, торопившегося в зал:

– Скажи ребятам, тут есть...

Уселся поудобней, налил теперь себе одному, но выпить не успел: из зала выскользнул «доброволец» с рыскающими глазами, увидел меня, кинулся, заранее протягивая руку, быстренько хлопнул и бросился обратно.

– Ты там, – начал было ему вслед, но он сказал на ходу:

– Идут, идут!

И точно: скоро у моего столика образовалась чуть ли не очередь. Кто-то уже не вернулся в зал, остался со мной, другой побежал искать Ляхова: нельзя, чтобы Илюха остался в стороне от такого мероприятия!

Когда приняли с ним одну и другую рюмку, Ляхов откинулся на стуле, вглядываясь в меня как бы издали:

– Кто-нибудь говорил тебе, Гарюша, что ты похож на товарища Сталина?

– А как же! – подтвердил я. – Еще на факультете. Если чуб вот так, а...

– Пойдем-ка! – вдохновился Илья.

Спустились вниз, в костюмерную, медленно пошли между рядами вешалок, на которых каких только костюмов, каких только не висело нарядов... Нашли добротный китель защитного цвета – как нам показалось, очень похожий на сталинский, подобрали к нему синие галифе. Долго искали хромовые сапоги -нога-то у меня, по выражению прабабушки Татьяны Алексеевны, «как под дурным старцем», размер сорок четыре. Но не мог же я выйти к народу в галифе и туфельках?

Нашли в конце концов кирзачи, я обул их и отправились в гримерную. Ляхов быстренько приклеил мне усы, что-то на лице подмазюкал, пошарил в каком-то ящике – достал трубку.

Через пару минут я стоял с нею в буфете напротив Ильи:

– Ви, товарищ Ляхов, носите свою настоящую фамилию?

– Не совсем так, товарищ Сталин! – не только чрезвычайно уважительно – как бы даже с некоторым страхом соглашался Илья.

– Ваша настоящая фамилия, полагаю, – Евреинов?

– Совершенно верно, товарищ Сталин!

– Почему бы вам не носить двойную фамилию: Ляхов-Евреинов?

– Будет приказ, товарищ Сталин?

– Считайте, уже был: устный!

Толпа вокруг нас хваталась за животики, и даже ко всему привыкшая буфетчица русоволосую голову в накрахмаленном кокошнике то и дело роняла на грудь.

А импровизация стремительно развивалась дальше:

– Мнь-е по нраву ваш верноподданический тон, товарищ Ляхов-Евреинов!

– Не совсем верноподданический, товарищ Сталин! Скорее – верноподдатый!

– Тут ви неправы: верноподдатый он будет потом, когда вместо меня в Кремль придут другие ль-юди!

– За ваше здоровье, товарищ Сталин!

– Товарищу Сталину – уря-я-а!..

Ну, разве тут могло хватить моих пяти сотен?! В costume и в гриме так и пошел я в сопровождении Ляхова, помрежа, к его начальнице, моей кубанской землячке, приехавшей в Кузбасс из Краснодара – главному режиссеру Тамаре Гагава. Одолжить еще сотенную: на общий пососок «добровольцам».

Когда всем в зале предстояло запеть «Вставай, проклятьем заклеименный...», то многие из «заклейменных» вставали, уже пошатываясь, и орали «Интернационал» козлитоном... грехи наши!

Через несколько дней домой мне позвонил Витя Вьюшин, дружок Витюша -Вить-Вьюша. Вить-Пьюша.

– В обкоме нам поручили осудить тебя, писатель, – готовься!

– А за что? – спросил я на всякий случай.

– Он ещё спрашивает! – возмутился Вить-Вьюша. – Продумай хорошенько, как будешь каяться: бюро – завтра в пять.

На бюро он прямо так и сказал:

– О чем идет речь, все знаете: чуть не половина делегатов конференции вместо того, чтобы ехать домой, разбрелась потом по Кемерово: добавить. А началось с пролетарского писателя... Что он скажет нам в свое оправдание?

– Прежде всего хочу сказать вам искреннее спасибо, братцы, – начал я, и в самом деле, растроганно. – За внимание ко мне... за то, что позвали вот... пригласили.

– Ещё бы не пригласить! – как можно суровой сказал Вить-Вьюша.

– Я прямо-таки заскучал в одиночестве, – взялся я объяснять. – Два месяца, пока болела нога, из дома – никуда. Ни на одну свадьбу... ни на одно новоселье. Сколько звали монтажники ордена обмыть, и то не пошел...

– Обидел ребят! – грубовато прервал Вить-Вьюша. – А много орденов было?

– Да вы ведь тут – не меньше меня небось...

Витя Перекопский, длинный, как верста Перекоп, тоже старый приятель, поднес вдруг палец к губам:

– Тс-с-с!.. Не надо об орденах...

– Да-да! – поддержали его. – Могут подслушать...

– Кто?! – спроси я удивленно.

– Наивный ты человек, писатель! – усмехнулся Вить-Вьюша. – А то некому?

– Есть предложение, – понизив голос, начал Перекоп. – В целях конспирации перенести заседание в другое место...

– Кто – за? – спросил деловито Вьюшин, и все вскинули руки.

Всем гуртом пошли на остановку трамвая, долго куда-то ехали – в запотевшее окно не видно было, куда, – а на все мои недоуменные взгляды они только палец к губам прикладывали: мол, потерпи. И тут нельзя говорить – ну, никак!

Страница 3 из 8

Потолкались, пока вешали одежду, в прихожей старого, «сталинского» дома недалеко от вокзала, а когда вошли, наконец, в «зал заседаний»...

Посреди просторной комнаты был накрыт длинный стол, и чего на нем только не стояло!.. И она, родимая, и соленые огурчики-помидорчики, и

грибочки с капусткой, и соленая черемша – колба, значит, – и сало-колбаса: к о л б а с а л о.

– Рассаживайтесь, товарищи, рассаживайтесь, – деловито распоряжался Вить-Вьюша... ну, не паразиты, и в самом деле? Как мы тогда друг друга похваливали. Не «гады ползучие»?

Быстренько налили, и он же предложил:

– Кто за то, чтобы осудить пролетарского писателя...

– Строго осудить! – вставил Перекоп.

– Да-да! – подхватил Вить-Вьюша. – В протоколе так и запишем: строго. Так кто – за то, чтобы... прошу поднять рюмки!

Смачно выпили, потянулись к разносолам, и Вьюшин, начинавший когда-то в кэмэковской команде играть в хоккей, получивший шайбой в раскрытый на крике хлебальник и вынужденный поэтому чуть ли не все зубы сменить на искусственные, чуть не впервые за вечер обнаружил теперь свой «золотой запас» – щедро улыбнулся:

– Отпустило, писатель?

– Сволочь! – растроганно произнес я высшую похвалу тех времен. – Какая сволочь!..

– У нашей Валюхи день рождения, – кивнул он на смеющуюся хозяйку. – Решили осудить тебя под пирог с рыбой...

– И под пельмени! – добавила очаровательная Валюша, зав общим сектором.

– Есть предложение ещё раз осудить...

– Нет возражений! – откликнулся Перекоп.

Как человек, прославивший в горькоме самым исполнительным и самым ответственным, он потом провожал меня домой, и я зазвал его к себе, у меня, как почти всегда, было. Такси он великодушно отпустил, хоть заплатил уже за оба конца, и я потом оставлял его у себя, но он вырвался-таки, затопал по лестнице, а когда я выскочил за ним на улицу – и след его простыл.

Уже перед утром я проснулся от какого-то жалобного то ли скулежа, а то ли подвыванья в подъезде... Полежал, прислушиваясь: в эту пору жалостливая поселковая ребятня всегда подпирала двери кирпичиком, чтобы охранявшие летом «мичуринские» участки вокруг поселка, за ненадобностью отпущенные с цепи на волю и оставшиеся, как говорится, без средств существования собаки хоть ночевать бы могли в тепле... какая-нибудь так и не согревшаяся псина?..

Но такая чисто человеческая интонация слышалась в тоскливом повизгивании, что я не выдержал, встал, оделся и взял фонарик...

Света, как почти всегда, не было, но не успел я включить свое персональное электричество, как возле двери наступил на что-то живое и невольно отпрянул...

Луч фонарика выхватил из темноты свернувшегося посреди лестничной площадки калачиком, мелко дрожавшего Перекопа...

...Да, думал я, подбадривая себя в поезде этим воспоминанием, очень, конечно, жаль, очень, что в случае с Зинаидой Васильевной вариант «осуждения», который избрал мой друг Вить-Вьюша, конечно же, не пройдет!..

Погода ночью сломалась, опять прижал мороз: в Кемерово было тридцать семь ниже нуля, и я, не надевший нижнего белья – до двадцати пяти никогда не надевал – тут же начал «ловить дрогаля», но про себя посмеивался: ничего-ничего, в обкоме наверняка ждет тебя уж такая жаркая банька – согреешься, родной мой, согреешься!

Первым, кого увидал в приемной, был Витя Банников, директор книжного издательства – «Хромой бес».

– Обождешь меня? – попросил его.

– Обязательно, – дружески подтолкнул он меня к двери в кабинет Кузьминой. – Ни пуха тебе...

И сейчас вижу, как встает из-за стола Зинаида Васильевна: тогда еще молодая, слегка за сорок, изящная блондинка в очках с тонкою оправой, которые очень шли ей, в строгом сером костюме и кремовой блузе с бантом под скромным, но ясно открывающим красоту груди вырезом под гордо вскинутой головой...

Много лет спустя, прилетев из Москвы на какой-то праздник в Кузбассе, тогда меня звали, я встречу её на Притомской набережной – старенькую совсем, с палочкой: узнаю и осторожно, но крепко обниму.

– Это та самая палочка, Зина Васильевна, которой вы когда-то хотели огреть меня?

– Я – тебя? – спросила она удивленно. – За что?!.. Я всегда к тебе очень хорошо относилась. Любила, можно сказать, – ты молодец был...

К этому времени я уже столько знал о ней и знал главное: почти беспробудно пил муж, висевший по службе на волоске полковник госбезопасности...

А тогда она встала, пальцами оперлась о край стола, слегка наклонила голову, щеки у неё вспыхнули. Это как бы вся область знала: начинала строгий разговор – красивое, с тонкими чертами лицо ярко пунцовело.

– Я вот тут думала о тебе, Гарик! – начала она громко, но с такою сердечной нотой. – Что тебе нового сказать? Сам все знаешь. А взять бы хорошенькую палку...

И я благодарно отозвался на этот её почти сокровенный тон:

– Зин Васильевна! Где она у вас, эта палка, где?!

Не играл – просто такому обороту обрадовался: шагнул к шкафу с неизменными классиками марксизма за стеклом, глянул за угол:

– Здесь нет... где?! Где она у вас?

– Присядь, – сказала она и села сама. – Присядь... а то останется у тебя: накричала и ушел... неужели не понимаешь? Мы ставим на тебя: будь, ну хоть чуточку умней!

– Спасибо, Зин Васильевна! – вскинулся, и в самом деле, растроганно.

– Зайдешь после меня к Афанасий Федорычу, – сказала она. – Вы бы его поберегли...

Кто бы, ну, кто бы знал?!..

Всего лишь через несколько лет прямого, несговорчивого Афанасия Федоровича вызовут «на ковер» в Москву, он встанет с больничной койки и, несмотря на запреты врачей, поедет, и будет там, «на ковре» также прям, случится инфаркт, и вызвавшие его иезуиты примут решение похоронить его на Новодевичьем кладбище.

Витя Банников терпеливо сидел в приемной, и я опять спросил его:

– Обождешь?

Дверь Ештокина напротив была.

– Само собой! – сказал Банников.

Ештокин говорил по телефону и показал мне другой рукой: присядь, мол, пока. Сам он стоял, и я тоже повел пятерней: мол, ничего, постою.

– Ты там не делай сам из себя мудака! – громко говорил невысокий, плотно сбитый Ештокин. – Как это у тебя нет вагонов – ты там проснись. Ты понимаешь, это – Кузбасс? Metallургические заводы, шахты и химия. Рабочий класс. Сегодня не накормим -завтра выйдут на улицу. А ты мне хреновину городишь да еще и посмеиваешься... всё! Найди вагоны и отгружай. Всё! У меня люди.

– С кем это так, Афанасий Федорович? – сочувственно спросил, когда он сел за приставленным к его столу длинным столиком.

– Кунаев, – сказал он, как бы отмахнувшись. – Ты меня извини за бедность речи, как говорится, но он, и в самом деле... ладно!

– Он ведь, – начал было я, – он, говорят...

– Не только говорят – в самом деле, так. Родственник Леониду Ильичу... ну, так что ж теперь? Все плясать должны? Там свои дела, тут – свои, – и слегка наклонился через стол.
– Как там с Зинаидой Васильевной – не заругала тебя?

Искренне плечами пожал:

– Нет вроде.

– Ты, и в самом деле, пойми, – сказал он без нажима, но вместе как бы – со строгой надеждой. – Одно дело – я сам, а другое... Служба и меня слушает: такая у них работа. А зачем тебе лишние разговоры, верно?

– Всё так, Афанасий Федорович...

– Остальное в порядке?

– Да вроде бы.

– Проблемы будут – звони, – сказал он. И улыбнулся, наконец. – В дневное время желательно: всегда соединят.

Шли с Банниковым по коридору, когда из приоткрытой двери, как из засады, вьюном вынырнула чернявая и тонкая Алла Шарапова, инструктор отдела идеологии, подружка Зины, которую она вытащила вслед за собой из нашей Кузни:

ал,

– А ну, зайди-ка! – сказала свойски. – А ты, Виктор Васильич, тут побудь... не обидишься?

В маленьком своем кабинетике стала напротив, сложила руки на груди: – Ну? Что скажешь?

В Кузне она была директором «Книготорга», мы с Геннашей у неё дневали и ночевали, он – в прямом смысле. Само собой – не дневал...

– А что я должен сказать? – спросил тоже свойски.

Она постучала себе по лбу пальцем:

– Соображали бы! – заговорила горячим шепотом. – Что, мы не знаем, что вы пьёте? Пейте на здоровье!.. Бездельничаете? Бездельничайте!.. Валяете дурака? Валяйте!.. Только не лезьте не в свои дела! А ты... ты!.. Ты все понял?!

Признаться, – не сразу, нет...

– Давай! – разрешила она. – Ждет там тебя... «бес» ваш. Смотри, ты с ним не очень... это хоть понимаешь?

Было около десяти утра, но мороз как будто усилился: низ живота и ляжки почти сразу же онемели.

– Слушай, Вить! – сказал Банникову. – Не думал, что такой морозяка будет: колет в паху, всё отмерзло...

Он цапнул меня за штаны:

– Без кальсон, что ли?.. Ну, ты совсем охренел! Побежали давай! Стуча зубами спросил:

– Не слишком ли громко сказано?

– А, да, – сказал он со смешком. – Ты прав: похромали!

Дома никого не было, он прошел в ванную, включил горячую воду:

– Снимай штаны и садись, – командовал. – Быстро-быстро, ты что?.. Хочешь - импотентом?.. Их в Кузбассе и так хватает... в Союзе писателей в том числе. Да не снимай рубашку – так давай!

Приподняв белую нейлоновую рубашку, вместе с черным галстуком схватив её кулаком на груди, я сидел почти до пупка в горячей воде, когда Банников вошел с рюмкой водки и кусочком сыра:

– Возьми давай... ну, ты придумал: при таком-то дубаре – без подштанников!.. Молодёжь!.. Теперь-то хоть понял, что это тебя подставили?

– Не может быть!

– Туго соображаешь... может, ещё одну?

– Чего?

– Говорю, что туго... сейчас я. Опять вошел с рюмкой и сырком:

– Прими.

Выпил, ничего не ощутив.

Зубы у меня стучали, всего трясло.

– Что – никак? – сочувствовал Банников. – Так и не согрелся?.. Может, ещё одну?

– Нет-нет, – сказал я почти испуганно. – Нет-нет.

Как-то очень скучно, выходит, – непразднично и без пафоса выпил я последнюю свою рюмку: перед долгой семилетней завязкой – морским узлом.

Что-то странное стало со мной твориться дома, когда вернулся из Кемерова...

Страница 4 из 8

То и дело возникала в памяти стоящая посреди своего кабинетика Алла Шарапова: «Что, мы не знаем?! – по-бабьи спрашивала. – Пейте!.. Дурака валяйте! Бездельничайте!.. Только не лезьте...»

Невольно всех продала?..

Или они так прямо, так однозначно не думают, но она – хоть дура набитая! – как бы сформулировала за всех за них этот принцип, значит, работы партии и государства, выходит, с творческой интеллигенцией: пейте, бейте баклуши, хулиганьте, но...

Не суйтесь, куда не просят!

Значит, это им надо: чтобы я – пил?!

Им выгодно?

Более того: они меня, практически, спаивают?

Ну, не Зина. Не Афанасий Федорович...

Кунаев с Брежневым, что ли?

Они все.

Система.

Советская наша. Социалистическая. Так вот, – фиг вам! Всем.

Спасибо, ребята. Погуляли..... с системой! – и – хватит.

Трудные настали для меня дни.

За месяц перед поездкой в Австралию я с куревом завязал: как хорошо, что при обильной выпивке там так и не закурил!

За месяц до поездки в Австралию, так совпало, я отпустил усы.

Кому это незнакомо, тот не поймет меня, но что было, то было: посреди всеобщего запянцовства я стал ощущать себя как бы не в своей тарелке...

Для себя и близких друзей я назвал это: комплекс «Усы в сметане»... ну, представляете?

То – опрокинул рюмку, и нет проблем, а тут как стекло трезвехонький: поднес на вилочке салатик ко рту, и все кажется, будто усы испачкал. Тянись за салфеткой, если они есть на столе, а то доставай носовой платок, как бы промакивай губы – на самом-то деле, с усов незаметно стирай сметану... да будь оно неладно, как бабушка Татьяна Алексевна говаривала!

Но если бы это было главным! Это был фон.

На котором шла во мне упорная, жестокая, бескомпромиссная внутренняя работа.

Значь так, – говорил я себе, просыпаясь. – Так, значит: по предложенному тебе партией и правительством распорядку ты прямо-таки обязан немедленно же выпить. С утра надрался – весь день свободен. Не так разве? Так.

Было.

Но теперь, милый мой, – за работу! За дело, братец!..

Как будто, наконец, открылись глаза: пошла ревизия жизни в нашем «рабочем поселке», на всей родимой «ударной комсомольской»... грустная ревизия!

Грустная.

Что любопытно: я словно увидел тогда свое сердце открытым, и чуть ли не каждое мимоходом услышанное слово, чуть не каждая увиденная на улице сценка, чуть не каждая в местных газетах прочитанная печальная строка и связанное с нею размышление – все они били в «десятку», точно в неё!

А было, было над чем задуматься... как мне быть?

Может, в конце мне дать, как это водится в научных трудах, «список использованной литературы»?

Собственной своей, коли это когда-нибудь вдруг литературой будет названо...

От самолюбования и саморекламы давно далек, один из моих друзей, известный нынче добротный художник и с хорошим пером литератор Сергей Гавриляченко как-то сказал, что главное во мне -анонимное начало.

Понимаю это: сказать правду, кто бы её не сказал.

Что и пытаюсь сделать.

Сказать, по возможности честно, правду о т о м времени: как я его тогда понимал, как понимаю нынче..

Но это я говорю сегодня, сидя перед компьютером в Майкопе и вспоминая всеми черкесами проклятого графа Григория Христофоровича Засса, светлая ему память: казаки ставят ему под Армавиром, в Прочном Окопе, памятник, а возмущенные адыгейцы чуть ли не тут же подгоняют к нему трактор с петлей из троса, и...

Часто, часто я вспоминаю тут Пьера Даниноса с его ироническим пассажем о том, как французы и англичане двояко толкуют одну и ту же историческую фразу: «Господа англичане стреляйте первым и.»

Там так приблизительно: «Господа англичане! – кричит офицер-француз, первым увидевший неприятеля. – Стреляйте первыми!»

Само собой – французская версия.

«Господа: англичане! – кричит тот же офицер, раньше всех увидавший противника. – Стреляйте первыми!»

Само собою – английский вариант.

Но они-то живут на разной земле, в разных государствах, отделенных друг от друга морским проливом.

Казачи и черкесы – мало того, что рядом, но уже как будто – один в другом. И не только, если поженятся. Породниться можно и иным способом, как в случае со мной... или и моё родство тоже – кровное: от крови, взаимно пролитой нашими предками во время Кавказской войны. И никогда не заживут её раны... неужели, и действительно, – никогда?

Само собою, для кого как, но для меня она длится и длится, эта война, только и того, что настоящее и прошлое совместились, как бы наложились одно на другое, и моя жизнь в Майкопе сегодня – всего лишь современный вариант «Кавказского пленника».

Пока я после Москвы зализывал раны в санатории под Лабинском, куда приехал по бесплатной, по «инвалидной» путевке, пока поливал их там родною живой водой – в нашей Отрадной, отстоящей от Л а б и н к и, недавно тоже станицы, всего-то в шестидесяти километрах, минералка из скважин где сочится, а где пока и хлещет на землю, – так вот, пока я там приходил в себя, домой к нам в Майкоп одно за другим пришли два письма от Вали Распутина: одно мне, а другое – добрым библиотекарям из отдела краеведения Национальной библиотеки республики Адыгея, «прекрасным черкешенкам», как я, не погрешив против правды, рекомендовал их перед этим в своем послании к Валентину Григорьевичу – Саре Хазретовне Мугу и Марине Беслановне Бекизовой.

Что ты тут будешь делать: в ежегодно выходящем их календарике решили и меня, давно, уже ставшего никем и нигде не замечаемым на пока ещё бесконечных, слава Богу, наших просторах перекаати-полем, включить в число юбиляров, чем, конечно же, очень меня растрогали...

Позвали, объяснили, в чем дело и попросили содействия: помогите, мол, отстоять это право перед другими библиотеками страны, пособите доказать, что вы, и действительно, наш.

А я ведь давно не знаю, ч е й я, и нужен ли с т р а н е вообще.

И вдруг, вдруг...

Интересная штука, но все словно приняло другой оборот: мне оно вроде и не к чему, но как откажешь двум обаятельным женщинам?

И я составил и принес им список своих «черкесских» публикаций – ну, кроме двух переведенных мной романов Юнуса: «Сказание о Железном Волке» и «Милосердие Черных гор, или Смерть за Черной речкой». О Пушкине.

В небольшой справке, которую составила младшая и по службе, и по возрасту, Марина Бекизова, должен был «иметь место» раздел библиографический, но где они, критические статьи обо мне? Затерялись в бумагах на «Бутырской у Савеловского» да в «Кобякове под Звенигородом». Уж если это необходимо, сказал моим благожелательницам, то можно сослаться на предисловие Распутина к «Железному Волку»: там говорится не только об авторе, о Юнусе – есть несколько добрых слов и о переводчице.

Обе они замялись, потом, смущаясь, Марина и говорит – ну, до того деликатно: вы уж простите, мол, наш консервативный менталитет. Во многом и сейчас живем слухами, и это относится не только к простым людям, но и к интеллигенции тоже, а среди неё идет разговор, что это предисловие вместо Распутина вы сами и написали... Станет, мол, Распутин о каком-то Чуюко! Это сам переводчик и сочинил.

– Э-ей! – как бы закричал черкес. – Хахай!.. Мардж!

Ничего, что этим самым переводчик выложил сразу ну, чуть ли не весь известный ему словарный запас адыгейского языка?..

Ым?!

Во мне и до сих пор жива неловкость, какую испытал, когда вручал Вале «Железного Волка»! Ещё в рукописи.

Валя тогда тоже замялся и говорит: на днях ложусь в госпиталь. А что с тобой? – спрашиваю. Да понимаешь, отвечает: в мочевом пузыре якобы образовалась лишняя какая-то пазуха...

– Во-от! – говорю ему. – Вот к чему приводит-то твоя обязательность: в президиуме всегда сидишь, как привязанный. Нет выйти, чтобы во-время пописать: бери пример хоть с Расула, хоть с кого другого – поднялся и побрел себе, куда вздумается! А ты теперь, видишь: досиделся.

Ложись, говорю, в свой госпиталь, дай Бог, чтобы все хорошо обошлось, а я свою просьбу беру обратно: конечно, тебе не до того.

Страница 5 из 8

А он толстенную папку с рукописью поддвигает к себе: нет, все-таки возьму, попробую прочитать и, что думаю, написать потом, только вы там с твоим другом-черкесом не ожидайте, что это будет завтра или же послезавтра!

Я – к себе папку, а он положил на неё ладони: не отдает.

И ведь вскорости написал-таки, да ещё какое глубокое и мудрое предисловие!

Но в полной мере оценил я его товарищеский подвиг, когда спустя десяток лет сам потом по той же причине попал в Главный госпиталь Космических войск под Голицыном, в

Краснознаменске: само собой, что имею в виду всего только «лишнюю пазуху» в мочевом пузыре, а не терпеливое сидение в президиумах.

Об этом своем, штафиркином, лежании среди остатков доблестного некогда русского офицерства я потом написал рассказ «Лезгинка для смертельно больных»: сдаётся, что он ещё пригодится нам в этом не очень веселом повествовании, так же как пригодятся и наши с Валентином Григорьевичем письма. Моё к нему, с просьбой заступиться за историческую правду, и его к нам: к страдальцу-переводчику и к благожелательницам его, двум очаровательным черкешенкам... Но это потом, потом, а теперь, когда они, прочитав адресованное им чуть шутовское, пожалуй, и чуть грустное письмо Распутина, растроганно провожали меня из своего краеведческого, значит, отдела, я вдруг, и точно, ощутил себя русачком, стоящим перед «девами гор»: ну, помните?

В одной руке блестит пила,

В другой кинжал её булатный... Беги, милый, из черкесского плена – беги! И перед ним уже в туманах Сверкали русские штыки, И окликались на курганах Сторожевые казаки.

Ну, эти, да: из Кубанского казачьего войска липового генерала «бабки Громова», из отданной ему на откуп экологической службы, которая шерстит проезжающих к морю на всем протяжении от Краснодара до Туапсе, эх!..

Но всё это будет через три с половиной десятка лет, а тогда...

Тогда я бродил по рабочему своему поселку с веселеньким именем Заводский... но, может, так-то оно и лучше?

А что, если бы Петр Семенович Щетинин, председатель совета, пошел бы на поводу у нашей редакции, и так бы и назвал тогда Антоновскую площадку, как мы ему предлагали: город Счастливый. Или там, город Родной. Город Радостный.

Вот счастье-то: в городе Родном рыться теперь в мусорных баках в поисках куска засохшего хлеба и хоть какой одежонки... Вот великая радость!

А Заводский: ну, как в воду глядели! Дымит рядом гигантский комбинат? Ещё как! Так ведь ради него, любимого, и старались. Мы. Домниканцы.

В июле пятьдесят девятого с Валей Фоминых познакомились в жиденькой очередке на складе нашей жилищно-коммунальной конторы, который тогда располагался ещё в палаточном городке. Оба получали один и тот же нехитрый инвентарь: небольшой круглый стол, табуретку, электрочайник.

– Надолго сюда? – насмешливо спросил он, с откровенным ехидством глядя на вельветовые мои брюки-«дудочки».

– На полтора года, – ответил я простодушно. – До первого чугуна. И он расхохотался:

– Ма-альчик! Меньше, чем через пять чугунок не жди! Удивлению моему не было конца:

– Пя-ять?!

– Это в лучшем случае.

Он был немногим старше, но уже успел поработать на знаменитой Магнитке: доменщик!..

Вот уже сорок лет в кармане пиджака у меня, куда бы не шел, куда бы не ехал, лежит темно-синий глазок с ручкой из белого плексиглаза – гляделка, которую он, заместитель начальника доменного цеха, подарил мне, когда пускали, наконец, первую печьку:

– Помнишь, пресса, наш первый разговор?.. Кто тогда был прав? На, держи! На долгую память.

И на душе у меня до сих пор спокойней, когда гляделка со мной. На унылом каком-нибудь столичном сборище вдруг достанешь её и сквозь синий глазок незаметно начнёшь одного за другим оглядывать: неужели они все тут давно погасли?.. Есть хоть кто-нибудь, кто ещё ну, самую малость светится?

Был он тогда весельчак и с хорошим голосом гитарист, сколько с ним было пето и сколько пито, но однажды ненастной осенью, уже в сумерках, встретил его посреди вселенской грязи в центре поселка с семилетнею дочкой на руках -спящую, нес из школы. Остановился напротив и почти закричал:

– Ну, скажи мне, писатель!.. Неужели за этот десяток лет мы тут все так-таки и не заработали ещё одну хоть поганенькую школу: чтобы первоклашки не занимались в четыре смены?! На втором уроке заснула – учительница разбудила, а на третьем уже не стала будить: спит половина класса... вот, разобрали родители, понесли по домам...

Может быть, довело его что-то другое, что в тот день приключилось, мало ли, но он вдруг зарыдал, затрясся всем телом, и я тоже неожиданно уронил голову и заплакал...

Как раз в те дни я сидел над большим очерком, который назвал «Новый город на земле»: о несбывшихся мечтах замерзавших в палатках первых наших строителей. И правда: сколько можно жить этим давно превратившимся в миф: «здесь будет город-сад». Когда, наконец, он будет-то, ну, – когда?!

При самой высокой на ту пору в нашем поселке по всей матушке-России рождаемости...

Вместо монорельсовой дороги, голубые вагоны которой должны были развозить строителей по участкам, а металлургов – по цехам, мы получили надвое рассекшую поселок бетонку с потоком мощных грузовиков и спецтехники, а рядом железную дорогу с тревожно кричащими тяжелыми поездами: во встречной давке на переездах испуганные молодые матери хватили на руки малышей, оставляя коляски да саночки перед стремительно приближавшимся товарняком: родина ждет чугуна, ждёт сталь, ждет прокат!

Да тут только начни беречь!..

И я уже написал, как на охоте в тайге приятели мои убили изгвазданного, чуть ли не в пятнах машинного масла, черного от угольной пыли, графитом подсеребренного зайца, и долго стояли потом над ним без шапок: прощались, как с пролетарием, братом по классу... Как на «ударную» нашу, на «комсомольскую» в одночасье привезли три тысячи «химиков», зэков «досрочно освобождённых», и поселок захлестнула не только преступность -сковало всеобщее ожесточение и страх: приехавший из армии на побывку солдатик пошел в гости, а чуть ли не в спину подталкиваемый матерью его, женой своею, родитель, плотник-бетонщик из комбригады, сунул под полу топор и незаметно следом отправился – попробуй кто-нибудь, тронь сына! К парню подошли трое, и не успели слова

сказать, как закричавший на них отец солдатика взмахнул топором и в один момент чуть не на куски – всех троих...передовик!

Очерк уже отлежал своё в «Литературке», перекочевал в один и в другой журнал, а мне всё продолжали звонить из столичных редакций: а не смогли бы для нас что-нибудь этакое... о простом человеке с непростой биографией... о необычной судьбе. Без фанфар, но и без очернительства, понимаете... что-нибудь духоподъемное все-таки... с писательскими размышлениями. В предстоящий праздник на первой полосе дадим, если сделаете с душой.

А душа моя уже давно перешагнула точку кипения: долго слушал, терпеливо поддакивал...

– Понимаю, да, понимаю... почему бы не смог? Только одно условие: гонорар – постным маслом!

– Что-что? – раздавалось недоуменное.

Я повторял.

– У вас напряжённо с подсолнечным маслом? – удивлялись в Москве. – Да вот представьте: закончу разговор с вами и поеду на рынок в Новокузнецк, это два часа в битком набитом автобусе... Там не будет – придется на электричке в соседний Прокопьевск, может, есть у шахтеров... А было бы дома масло – сидел бы я и писал для вас... На первую полосу.

Бывало, тон говорившего менялся, в нем начинало слышаться сочувствие, а то чуть ли не вина:

– Коли что не так, не осудите... поймите и нас правильно... Я тоже охотно винился: – И вы меня.

Но если звонивший пытался через губу разговаривать, получал по полной программе... Чего только я в счет будущего гонорара тогда не требовал: кефира для ребятишек, за которым тогда тоже ездили в город, а то и мужских носков, и лезвий для бритвы – ни того, ни другого в магазинах годами не было... передний край, как же!

Лет через двадцать, будучи уже москвичом, вспомню я и об этом самом подсолнечном масле, и о носках с лезвиями – найдется у меня для этого один весьма любопытный и очень, скажу вам, многозначительный повод, найдется.

К печальным размышлениям о высокомерном столичном равнодушии у меня тогда вдруг добавились непростые семейные проблемы.

В родной кубанской станице, в доме у моих отца-матери подрастал старший мой, от первого брака сын, Серёжа... и крута гора, а миновать нельзя: придется и об этом тоже горькую для всей в живых оставшейся родни, а особенно для нас с ним, правду рассказывать. Но, может быть, чуточку позже?

А пока о том, что я все порывался забрать его, мама чего только не придумывала, чтобы нам его все-таки не отдать, и после нескольких лет семейных переговоров мы решили:

родители мои продадут дом в станице и переедут в Новокузнецк: о том, чтобы Сибирь бросить, я не хотел и слышать.

И вдруг они уперлись там: нет и нет. Куда на старости ехать?

А я под будущее наше воссоединение уже успел получить четырехкомнатную квартиру в одном из считанных в поселке «старых» домов: просторную и с высокими потолками. Как мы ею гордились!.. Не помешало этому даже одно весьма любопытное по тем годам происшествие.

Дело было летом шестьдесят девятого. Не помню, по какому поводу очутился я в городе в кассах аэровокзала. Достаточно долго стоял в очереди за человеком, который никак не мог приобрести билет в Бийск. Говорил он с явным акцентом, и, когда у окошка печально развел руками, я, уже не сомневаясь, тронул его за локоть:

– Извини, брат: чех?

Он согласно закивал: да, да!

– А что ты тут у нас делаешь?

– Трамвай, – сказал он. – Мы делаем вам трамвай. Наши вагоны... – А ну-ка, погоди, – попридержал его за руку. И наклонился к окошку, громко и с укором заговорил. – Неправильно, девочки!.. Он нам тут помогает с трамваем, а мы мало того, что танки в Прагу ввели – не можем его отправить в Бийск: нехорошо!

– Там тоже наш инженер, тоже трамвай, – заговорил чех. – Позвонил, хочет, я был его гость... Праздник... на праздник.

– Ну, во-от! – продолжал я громогласно укорять. На языке нашей Антоновской площадки это называлось блажить. – Он хочет к дружку на День строителя, а мы, значит, лишаем его... неправильно!

– Кого-кого, а чеха надо отправить, – поддержали в очереди.

– Слышите, что народ говорит, девчата? – продолжал я митинговать. – Может, ещё раз там у себя поищите?.

– Надо поискать, надо!

– Да мы и не поняли, что он чех, – сказала кассирша.

– Ну, вот: как танки вводить, так – сразу... – Вернитесь, товарищ!

Чех вернулся, билет ему выписали, и мы с ним потом долго хлопали друг дружку по плечу и пожимали руки.

Вечером я сидел в кафе, в «Юности», пили «Охотничью», как он вдруг появился в проходе между столиками:

– О-о! – встал я навстречу. Мы обнялись: не знаю, как чех, а я уже был примерно в той форме, в какой чуть не постоянно была наша кампания год назад на фестивале Дружбы русской и чешской молодежи в словацкой Нитре.

Наша кампания – это мы с поэтом Олегом Дмитриевым, старым дружкой, и два «примкнувших к нам» уже хорошо известных тогда скульптора: москвич Олег Комов, тут же давший мне новую фамилию, Глухонемченко, и свердловчанин Лев Головницкий, придумавший название крошечной дозе, к которой хотели нас приучить хозяева фестиваля: выпить по двадцать пять-тридцать граммов стало у нас называться «взять по массарику». В честь свергнутого после второй мировой войны президента «буржуазной» республики Чехословакия Карла Массарика, тень которого возникла из небытия во время «Пражской весны»...

Куда ясней уже ощущалась тогда другая тень, куда более грозная: Олег записал в те дни в мой блокнот «Подражание Уткину»... придется напомнить:»Мальчишку шлепнули в Иркутске, ему шестнадцать лет всего: как жемчуга на чистом блюде блестели зубы у него...»

Олежка чутко предчувствовал наш исторический отыгрыш за сибирскую эпопею пленных чехов в Гражданскую:

Словак у Гарри добивался:

что у тебя, брат, на уме?

А он в ответ лишь улыбался:

мол, ничего «не понимаю»!

Он парнем был довольно хитрым

назло идейным всем врагам.

И били Гарика поллитром

по знаменитым жемчугам. И он, судьбу свою приемля,

сливовицей упившись в дым,

упал, обняв чужую землю,

которой мы не отдадим!

Ну, а коли так, не отдадим-таки, тогда думали, разве не надо подневольную нашу дружбу хоть чуть одухотворить?

Чеху тут же налили, и прежде, чем выпить, он присмотрелся к этикетке на бутылке:

– Мысливска?

Во мне начал оживать словарный запас, накопившийся во время фестиваля: разве я им там не заливал по медведей?

– Мысливец, да! – ткнул себя в грудь.

Чех наш оглядел ближние столики, на которых стояли бутылки точно с такими же этикетками:

– Это все – мысливцы? Тут клуб?

Подначивает?.. Или ещё не все в сибирской-то нашей жизни дошло до него?

Попал бы в нашу Кузню три-четыре года назад, мог бы подумать, что в городе живут сплошные любители чистого спирта: ровно год кроме него тогда – ну, ничегошеньки! Только синие бутылки с наклейкой без затей: «Спирт питьевой». И циферка сверху: мол, девяносто шесть градусов. Цена внизу: пять шестьдесят семь. Плати, и я – твой.

Страница 6 из 8

К нему тогда быстро приспособились. Брали вместе с трехлитровой банкой зеленых помидоров, красные к нам почему-то не доходили. И вот, чтобы не усложнять процедуру, как говорится, наливаешь сразу полный стакан и открываешь банку. Прямо из неё делаешь хороший хлебок, пропускаешь вслед за ним спирт и тут же из банки запиваешь: все дела!

Говорят, что первая рюмка идет колом, вторая – соколом, а остальные потом – мелкими пташечками... Все эти отполированные веками филигранные детали, при таком, как у нас тогда на Антоновской повелось, употреблении «питьевого», конечно же, пропадали, зато каким орлом ты себя сразу чувствовал! Сиди потом и весь оставшийся вечерок разбавляй в себе спирт глотками того же рассола от помидоров, а то и простой, если на тот момент в кране была, водичкой.

Уж куда трудней приходилось в памятный год, когда в магазинах не было ничего, кроме шампанского. Чтобы хоть что-то в конце промозглого либо морозного дня почувствовать, брать приходилось не меньше трех «огнетушителей». А если намечалось какое мероприятие, должны были прийти гости?

Из «гастронома» каждый выходил тогда, как «Иван Никулин, русский матрос» перед атакой немецких танковых полчищ... это тебе, не «по массарику»!

Чеха было звать Иржи, а так, как все подчеркивал, что он – инженер, Геннаша Емельянов тут же прилепил ему: И р ж и н е р.

– Европейский стандарт! – насмешничал в своей обычной манере. – Не обижайся, старик!.. Но вы там все одинаковые, как эти ваши трамвайные вагоны!

Пришлось объяснять, что друг мой – мастер слова, да, сибирский писатель, по-чешски списывател: это я тоже знал со времен фестиваля Дружбы, сразу после которого в Чехословакию и вошли наши танки, дружить, так дружить, чего там!.. Это сегодня мы путаемся в соплях уже на своих исконных землях.

Может быть, наш новый друг решил доказать, что не такой уж типичный он «иржинер»?

И пил он с нами на равных, и, когда кафе стали закрывать, почти с восторгом принял мое предложение взять такси и продолжить нашу дружескую встречу в поселке, у меня дома.

От администраторши, успевшей к концу рабочего дня разделить с завсегдатаями не только несгибаемый дух нашей Кузни, но и то, что его обычно подпитывало, позвонил домой, и сонная жена с привычным вздохом спросила: а чем ты этого Иржинера, или как его, кормить думаешь?

– Дайте мне трубку, дайте! – загорячилась оскорбленная в лучших чувствах администраторша: в поздний час телефон в нашей Кузне переходил на режим громкоговорителя.

Но я докладывал уже сам: – Тут девочки отдают нам кастрюлю отбивных... -Тут девочки отдают нам кастрюлю отбивных...

– От семьи отрывают! – дурашливо закричал Геннаша, и администраторша понесла к его носу сжатый кулачок.

Левой он перехватил руку у запястья, а указательным правой взялся постукивать по кольцам и перстенькам на её кулачке:

– Правда везде пробьется!

Ребята мы были: палец в рот не клади!

Жена уже заранее ушла в детскую, как бы освободив для нас с Иржи три остальные комнаты, и, прежде чем надолго пристроиться на кухне, я не без некоторого бахвальства провел по ним гостя... Он всё как -то странно смотрел на меня, потом потащил в кабинет, где на стальной, со сплошным кругом внизу, подставке висело ещё не окончательно доеденное молью чучело глухаря, стал подбирать слова:

– Это мысливец, да... Это вижу. Почему ты списывател?.. Такая шутка? – Ты так считаешь?!

На письменном столе из польского, между прочим, кабинетного гарнитура, только что по великому благу приобретенного, взялся выкладывать перед ним книжку за книжкой:

– Детская повестуха. Другая. Сборник рассказов. Роман. Ещё роман... чей тут снимок? Чья фамилия? Тебе что, паспорт показать?

Теперь уже он повел меня по всем комнатам и, когда вернулись на кухню, к отбивным, сказал сочувственно:

– Бедно живешь, списывател!.. Тут был вор? Они все украли? Тогда-то я расхохотался так, что заспанная жена вышла из детской: – Напугаешь Жору. Хорошо, что не проснулся, а только вздрогнул... Где ты, «Иржинер»?.. Жив ли?

О твоём ночном гостевании в доме у «летописца Запсиба», чуть ли не классика «пролетарской» литературы, по народной молве -богатея, к которому уже чуть не весь наш поселок приходил стрельнуть до полочки, а то и разузнать, не даст ли «на «москвича», я и раньше часто рассказывал, и рассказываю вот снова...

Но сместился акцент.

Кого, и правда что, под гребенку только что по всей России опять обобрали?

Ведь и тогда уже – почти нищету...

...Днём, когда оставался дома один, я перечитывал письмо отца и долго потом ходил по квартире, как будто вновь всё разглядывая... Польский гарнитур-то, конечно, – да, но что там в него входит? Стол, кресло и невысоконый книжный шкаф, наполовину закрытый створками, наполовину – стеклом. За створками – папки с рукописями, за стеклом – книжки со стихами, поэзия, а куда более объёмная проза так и осталась на самодельных, до потолка, стеллажах, на манер детского «конструктора» сложенных из поставленных один на другой деревянных ящичков из-под водки. Это теперь повсюду их заменили ничемные картонные коробки, из которых не соорудишь ничего приличного... А в то время чуть не каждому деревянному ящичку была суждена у нас долгая, почти символическая судьба: на заре юных лет – неперемнная дань Бахусу, который в русском произношении именовался тогда в Сибири все больше Б у х а с о м; потом продолжительная, а когда и не очень, служба Амуру в качестве прикрытой матрасом из соломы, а то и подпаленной у костра телогрейкой с торчащей из ней обгорелой ватой и такими же стегаными штанами тахты; и, наконец, союз – бывало, даже юридически оформленный – с Гименеем: после недолгих трансформаций предыдущее узкое ложе с добавлением новой тары превращалось в роскошную двуспальную кровать... как вспомнишь!

Когда по телевизору, не успев его вовремя выключить, увидишь рекламу новейших зарубежных ароматизаторов – ну, что они, вместе взятые, вдруг подумаешь, перед устойчивым запахом свежей пихты, из которой только что были сколочены ящички, с оригинальной добавкой к нему терпкого душка селедочного рассола, который почему-то всегда над ними витал – может, досточки пропитывали им ещё в тарном цехе? Может, по какой-то хитрой технологии, так и оставшейся тайной тех лет, в селедочном рассоле выдерживали?

А неистребимый запах упомянутой выше паленой ваты?

После бурных перемен прежней жизни и для этих, казалось бы, неодушевленных предметов новостроечного быта наступала, наконец, задумчивая пора осмысления не только всего невольного увиденного и подслушанного, но и запоздалого знакомства с далеко отстоящими от нашей «ударной» вершинами человеческого духа... с каким рвением мы тогда собирали свои библиотеки!

Денег у нас по-прежнему не было, но самый основательный из нас, Толя Ябров – недаром столько лет, бедный, не то что самоотверженно – жертвенно «тащил» в нашей газетенке отдел партийной жизни, чего никто другой из нас не мог, как бы сказали теперь, «по определению»... так вот, Толя разобрался, наконец, в редакционной бухгалтерии, и вдруг выяснилось, что уже несколько лет мы не обращались к некоей хитрой графе, которая давала нам, ну, чуть ли не беспредельную возможность приобретать книг «по перечислению». Какие тут ожидали нас радости! В городском «Книготорге» с его забытыми собраниями сочинений букинистическими отделами наш нищий, как нам всегда казалось, «Металлургстрой» стал вдруг самой уважаемой организацией... И ящички из-под неё, проклятой, сделались, наконец, хранилищем тысячелетней мудрости и вместилищем высокого духа.

Конечно, с помощью типографской, опять же в счет «Металлургстроя», бумаги и множества кнопок их, насколько это возможно, облагораживали, а на белом поле перед разноцветными, с черными буквами, а то и золотым тиснением, корешками сочинений классиков мировой литературы и древних философов расставляли и раскладывали на

первый взгляд странные приметы новостроечной жизни: крошечный глиняный человечек, вылепленный когда-то из отодранного от пудовых кирзачей ошметка глины; обгорелый кусок бикфордова шнура, оставшийся после взрыва на месте «пня» будущей доменной «печки»; чуть порыжевший, с рваными краями двугорбый брусок металла с надписью по бокам: «Первый чугун.» «Июль 1964. Запсиб» – само собою, апофеоз нашей всеми горячо любимой Домны Запсибовны...

В 1999 году иеромонах Феофил из Саввино-Сторожевского монастыря подарит мне семитомный, в каждом по тысяча двести страниц, «Букварь школьника», где собраны «Начала познания вещей божественных и человеческих», и в первой книге найду, что «Домна – христианское имя, означающее с латинского – госпожа.»

Была она нашей госпожею, была!

Стыдно сказать, но моею, несмотря ни на что, остается ещё и нынче...

А сколько разного цвета и разного вида касок, подаренных сперва строителями да монтажниками, а после уже – «эксплуатацией» венчали под потолком верхнюю полку стеллажа-самоделки!

Страница 7 из 8

История нового жанра

Ещё не так давно, увидав, что у меня скопилось много неоконченных рассказов, подумал: а если их не завершать в том неторопливом ключе, в каком начаты?.. Ведь каждый раз меня наверняка останавливало именно оно – желание соблюсти классическую форму. А просто ли?.. Бьёшься, бьёшься, и вдруг случается тот самый «затык»: жди теперь у моря погоды.

Но, может быть, сменив интонацию, – даже на слегка ироническую, а что? -попробовать очень кратко дописывать всякий рассказ уже без литературных прикрас, а как Бог на душу положит?.. Дальше, мол, я хотел сказать то-то и то-то и тем-то и тем-то заключить: всё!

Для этой сознательно усеченной формы, которая, что там ни говори, позволила бы когда-то полнокровному, яростно стучавшему в сердце замыслу хоть как-то сохранить жизнь, я даже название придумал: досказы.

Ни один «досказ» так с тех пор на свет и не появился, а обнаружилось уже вот что: теперь скопилось несколько начатых романов, работу над которыми по тем или иным причинам прежде откладывал. То казалось, что слишком свежи ранившие когда-то сердце события: начни рассказывать, и к тебе вернется тяжелая душевная смута, от которой столько лет не только самому – с помощью врачей не удавалось избавиться; о другом думалось, что по горячим следам писать об этом не следует: пусть все сперва хорошенько отстоится и вылежится; в очередном случае вдруг перебилось настроение, когда знающий человек сказал запросто: тебе что, жить надоело, если сейчас вздумал об этом написать?.. Забудь навсегда, забудь!..

Кроме прочего во мне всегда был силен и такой «сдерживающий фактор»: не торопись, всегда говорил себе, – подучись ещё, подучись-ка! Ведь подошел ты к самым серьезным своим вещам: не напортачь! Не испорти борозду, на которую столько лет ревниво оглядывался: по-прежнему ли пряма и, как надо, углублена?.

Но вот время, как свиток, стремительно свертывается... Только ли моё?

И сам для себя вдруг становишься похож на нерасчетливого актера, который вдохновенно и вольно начал, наконец, свой главный, на пределе откровенности, моноспектакль, а из суфлерской будки ему уже показывают сперва на часы, а потом и на занавес: вот-вот упадет, мол, – вот-вот. Ты что?!

И как быть теперь?

Методом краткого «досказа» закончить размашисто начатые романы?

Сочинить ещё один жанр: сокроман?

Хотите, с о к рашенный роман. Хотите – сокровенный.

...Переехали мы в Майкоп, где жили родители жены.

Каждый год раннюю весной её мама приезжала в Новокузнецк с традиционным бочонком вина от отца, отставного полковника, с которым мы не разлей-вода дружили, забирала нашего сына Жору и чуть не до середины осени увозила к себе на юг.

Когда я надумал, наконец, остепениться, мы решили позволить себе очередного ребенка. Как только «ушла в декрет», Лариса уехала к своим, родила мальчика, которого мы назвали Митей, а я ещё около года все оттягивал свой отъезд: как будто предчувствовал, как несладко мне вскорости придется в этом поистине райском городке.

До этого мы уже подолгу живали у родителей Ларисы, в дом к ним и поработать со мной, и отдохнуть от столичной суеты несколько раз приезжал мой добрый советчик и покровитель «молодогвардейский» редактор Владимир Викторович Сякин.

В тексте потом наверняка возникнет необходимость о нем рассказывать: сделаю-ка я это сразу.

Ещё в 1961-м я вдруг получил от него письмо: не удивляйтесь, мол, о вас мне рассказал ваш друг Олег Дмитриев. Как понимаю, вы живете в любопытном краю среди людей, которые заняты делами масштабными. Могли бы прислать мне заявку на книгу очерков о вашем Запсибе? А я обещаю сделать все от меня зависящее, чтобы она увидела свет как можно скорей.

Стыдно сказать: теперь уже забыл, как я хотел такую книгу назвать, но заявку приняли, и начались мои мучения, ставшие потом традиционными. Ну, как закон: стоило мне заключить договор и что-то твердо пообещать, как тут же я принимался писать нечто совершенно далекое от обещанного. Сдается, у меня так и не было ни одного выполненного договора: все потом переделывались, исходя из того, что я в конце концов в издательство присылал или с чем вдруг приходил.

Но первому терпеливо и безропотно ждать пришлось Сякину.

На аванс, который он мне тогда выхлопотал, я купил портативную машинку «Москва», остальное было почти тут же проедено и, разумеется, пропито, а дело с очерками никак не шло, и только четыре года спустя, когда Сякин работал уже не в издательстве, а в

журнале, я представил пред его редакторские очи довольно внушительный «кирпич»: роман «Пашка, моя милиция...»

Его приняли, и редактировать «Пашку» Владимир Викторович приехал в Майкоп... забываемое время!

К роману ни он, ни я не притрагивались: не могли оторваться от душевных разговоров в уютной «изабеллой» беседке, где завтрак плавно переходил в долгий обед, а тот в свою очередь заканчивался за ужином, к которому присоединялись бывшие об электрическую лампочку ночные бабочки и ни на миг не смолкавшие сверчки... Бывший студент ИФЛИ, Сякин провел войну в «Смерше», но стал потом редактором крошечного, первого после опалы сборника стихов Леонида Мартынова и крестным отцом только начинавших тогда Евтушенко и Вознесенского, после моей сибирской стройки было, было мне что от него узнать, и я сидел открыв рот, а тесть Гавриил Павлович, добрейший наш, честнейший и порядочнейший наш папа, поглядывал на нас обоих со счастливой слезой во взоре...

Это он предложил свозить Сякина на рыбалку в знаменитое охотничье хозяйство «Садки» в приазовских лиманах.

Женщины наше решение одобрили, взялись на неделю готовить нам провиант, но когда папа с канистрою полез в подвал с бочками, обе дружно запротестовали: куда мы собираемся ехать? Если, и правда, на рыбалку, то зачем нам вино – выпить можно и здесь. Но не пора ли нам сделать хоть небольшой перерыв?

Что правда, то правда: давно следовало. И мы дали обещание сначала им, а потом уже и себе, что на рыбалке – ни-ни. Ни капли.

Чешский четырехместный самолетик «Морава» доставил нас в Приморско-Ахтарск, рабочий поезд дотащил до ближнего рыбацкого поселка, а там давно знакомый начальник базы тут же дал катер, и нас отвезли далеко на необитаемый остров...

Кроме нас, спасавшихся от комарья в летнем домике, на острове жили только около десятка телят, ночь напролет, чтобы сбить с боков безжалостных «кровососов», носившихся по камышам – днем они отсыпались на жарком солнце.

И больше ничего и никого вокруг – красота! А рыбы было, а рыбы!

У каждого имелась удочка с тремя поводками, но получалось так, что на крючок цеплялись три красноперки сразу и в невысокой траве на берегу устраивали потом такой перепляс, что распутать леску становилось делом почти безнадежным. И я отрезал у всех сперва по одному поводку, потом по второму – успеть бы снимать улов с одного крючка!

Рыба уже солилась в большом бачке, уже вялилась на шнурах под марлей, когда однажды мы услышали вдали слабый крик, притихли и кто-то первый увидал вдали среди волн то слегка подпрыгивающую, то исчезающую вдруг лодчонку...

– Па-ма-гите! – услышали беспомощный крик, когда она чуть приблизилась. -Памагите!..

– Хоть бы дотянули до берега, – сказал Гавриил Павлович. – Нам-то не на чем к ним подойти...

– Когда нас тут высаживали, я ещё об этом подумал, – поддержал Сякин. – Мало ли что на море может случиться: будут звать вот так, а мы ничем не сможем помочь...

Но помогли мы терпящим бедствие, все-таки помогли! Хотя ушло у нас на это несколько дней...

– Мужики! – взмолился сидящий на корме лицом к нам человек средних лет, когда лодка ткнулась, наконец, в берег. – Выручайте!

Из-за весел поднялся искусанный комарьем его компаньон:

– Дайте слово, братцы, что в беде не оставите!.. Сразу дайте, а то как рассказывать, какая с нами беда...

– Даем, даем! – слегка заикаясь, как всегда, пообещал Сякин. – Куда деться, если на столько километров вокруг кроме нас больше – ни души?!

– Так ото ж! – охотно согласился первый. – Потому и пришли... тут на веслах – охо!

– Какая помощь нужна? – почти командным голосом спросил папа. – Что там у вас случилось?

– Шахтеры мы, – заговорил второй как будто с чувством некоторой вины. – Из Донецка. Собрались вот старой кампанией порыбачить, да маленько не рассчитали...Взяли канистру спирта на двадцать литров, и вот бьёмся-бьёмся... И так мы её, и так – ну, не отбавляется, зараза!

– Ото ж!.. Рази дома не засмеют, если чуть не половину обратно привезем?!

– Так что, товарищи, надо? – наивно спросил не до конца разобравшийся в ситуации Сякин.

– Как – что? – удивился, что был на веслах. – Сидайте в лодку...

А «кормчий» сунул руку под пиджачок и достал бутылку с синеватой жидкостью.

– Для пробы мы вам, конечно, маненько привезли...

Ну, как было, и в самом деле, на шахтерский-то, на братский призыв не откликнуться? Как людям не помочь?!

Пока приезжал в Майкоп отдыхать, мне казалось, что тот же артельный дух витает и здесь, тем более, что в ту пору был это городишко-труженик с крепенькими, работавшими даже на «космос», заводиками, не говоря о достаточном количестве прямо-таки процветающих комбинатов и фабрик...

Казалось, что так будет всегда...

...Мой очерк «Новый город на земле» напечатали, наконец, в «Сибирских огнях»: светлая память добрейшему Александру Ивановичу Смердову.

Перед этим он несколько лет был специальным корреспондентом «Литературной газеты» в Китае, потом вернулся домой и получил сибирскую вотчину, в которую входил и Кузбасс. Смердов любил к нам на Запсиб приезжать и, наблюдая за нашей вольницей, пытался нас потихоньку воспитывать, ненавязчиво учил осторожности, но не в коня пошел корм, как говорится, не в коня...

О, эти не дающие стремительно двигаться вперед ассоциации, беда моя!..

Учившийся на факультете двумя курсами старше Апполон Петров, ставрополец из прошедших армию «старослужащих», создал «Общество Коней», девизом которого было: «Ржать, пить и бить копытом.» Сам он вернулся потом на родину, два-три «Коня» остались в Москве, а основная «конюшня» переместилась в Кемерово, где я с ней ещё во время преддипломной практики и познакомился, а потом, когда уже работал в своем «Металлургстрое», меня тоже приняли в «сибирское стойло»... Так тогда и звонили из своего «Кузбасса»: «Послушай, Коник!.. А не мог бы ты хотя бы строк пятьдесят...»

И вот ударил я копытом, ударил, – ну, так не вовремя!

Когда сидел, мол, на своей Антоновке, помалкивал в тряпочку, стали обо мне говорить, а стоило уехать на юг – тут же облил грязью и свою новостройку, и город, да что там, что там – оболгал весь орденоносный рабочий Кузбасс!

Страница 8 из 8

Одним из лейтмотивов очерка был такой: в Новокузнецке, мол, страсть как любят декламировать Маяковского насчет «города-сада», но вот сам-то Владим Владимыч, бронзовый наш, стоит в центре, настолько припорошенный графитом и сажей, что узнавать его вскоре будут лишь старожилы.

Первым секретарем горкома партии работал в то время Борис Иванович Окушко, когда-то начинавший в городской самодеятельности с Маяковского, «Разговор с товарищем из Кузнецка...» так и остался его коронкой, так что иногда, делая доклад и увлекшись, вместо одной-двух строк он, бывало, цитировал чуть ли не все стихотворение.

Но мало, мало того...

В первом своем романе я уже успел сделать его персонажем отрицательным, и как-то на одном из городских банкетов он меня упрекнул:

– Что ж ты меня таким нудаком вывел?

Грехи наши!..

Я сделал вид, что очень удивился его сообщению:

– Вас?! Да почему это вы так решили...не знаю, не знаю!

– Весь город говорит, а он не знает! – в сердцах сказал Окушко и отошел с рюмкой, со мной не чокнувшись.

Но тогда меня прикрывало благоволение Ештокина!

Теперь, когда уехал, партийная элита дружно записала меня в предатели.

Второго камня в свой огород Борис Иванович не стерпел. Позвонил Смердову и предупредил: если редакция не даст опровержения и не извинится за публикацию, городская партийная организация примет специальное постановление и отправит его в ЦК.

Но недаром же Александр Иванович столько лет отработал в Поднебесной: что ни говори – дипломат! Сошлись на том, что журнал даст большой материал об успехах Новокузнецкой медицины, и писать об этом поехал прозаик Борис Тучин, кандидат наук, врач-психиатр...

Журнал отвел от себя удар. Оставался ничем и никем не защищаемый теперь автор...

Окушко пригласил к себе для дружеской беседы знаменитую бригаду монтажников кубанского моего землячка и старого друга Коли Шевченко, которой после его ухода в начальники управления, руководил долго остававшийся в тени умница и скромняга Тертышников, тоже Коля, тоже друг и земляк, родом из Георгиевска, со Ставрополя...

Посреди раздачи похвальных грамот и обещания предстоящих наград, которые ребятам и без того уже некуда было вешать, им показали заранее заготовленный текст письма в Союз писателей СССР, в котором они должны были категорически потребовать лишить меня членства: за клевету и очернительство.

Но тут уж случился явный перебор: кому, как не им, знать было, что «клеветой» я не занимался. Никогда.

Спасибо вам, мальчики, кто ещё жив, и светлая память тем, кто ушел: с легкой душой всегда подписывался под правдой о вас – под неправдой обо мне вы не подписались!

Много лет спустя, когда работал уже в «Советском писателе», я прилетел в Кемерово на торжественный вечер, посвященный какому-то, очередному к тому времени «летию» комсомола Кузбасса, и когда сел в президиуме и попытался оглядеть зал, раньше многих остальных увидел Окушко: руководил тогда облсовпрофом...

С каким напряженным вниманием он на меня смотрел!

Когда я вышел говорить, по привычке минуя трибуну, подошел к краю сцены и ровно напротив него остановился, ожидание его как будто достигло предела...

– Вот в первом ряду сидит Борис Иванович Окушко, бывший секретарь парткома на Антоновской площадке, а потом – секретарь новокузнецкого горкома... И он не даст мне соврать: какими все мы самонадеянными юнцами были, когда начинался Запсиб. Сколько было ссор не по делу, сколько копий из-за пустяков было сломано!.. Пока мы не поняли, какие грозят нам общие беды, какие впереди нас ожидают испытания, какие трагедии...

Слава Богу, что чуть не до последнего времени говорить в Кузбассе можно было открыто...

Как он бросился ко мне в перерыве, как сжал в объятиях. Поташил в буфет, налил по полному фужеру коньяка:

– Спасибо тебе, спасибо за откровенность... как там у вас на Кавказе: за сказанное?

А я был в «глухой завязке» – один из трех принципов, которые тогда, на работе в «Советском писателе» исповедовал: не спиться, не скурвиться, не бросить писать.

– Не могу, Борис Иванович: не пью, – отнекивался я весело. – Когда-то чуть не вся партийная организация родной Кузни билась над тем, чтобы отучить меня... свершилось, наконец!

А у него слёзы блестели на глазах: – Брось, Гарри, брось, – не обижай меня!

Может быть, нам ещё придется вернуться к этому всегда и везде четко произносимому им «Гарри»: Борис Иванович издавна придерживался именно этого варианта, придерживался весьма строго – так вышло, что на своей «ударной комсомольской» я начинал чуть ли не «японским шпионом», личностью, во всяком случае, очень неблагонадежной, и отделаться от приближавшей к козням ЦРУ американизации моего имени он так до конца и не смог...

Потом я переживал, что так и не выпил с ним, но это потом, потом, а каково мне было получать письма из нашей Кузни в Майкопе: мол, говорят, что ты... мол, ходит слух... мол, собираются...

Да если бы и не «говорили» и не «собирались», для меня все равно было наказанием остаться вдруг без сибирского братства: только тут до меня и стало, наконец, доходить, чего оно, и действительно, стоило!

Строки эти пишутся в Майкопе в крещенские дни...

Морозы разгулялись не только по всей Сибири – по всей России-матушке, и мы с женой во время выпуска новостей приникаем к телевизору: как там в Подмоскovie наши дети и внуки?

Мне почему-то вдруг захотелось уехать в станицу, побыть среди земляков в нашей Рождество-Богородицкой церкви, дойти потом крестным ходом до Урупа, где возле «Военкоматской ямы» наверняка приготовлена прорубь для купания – «Иордань».

Мальчишками мы бегали на это действие смотреть, до сих пор помню, как шли по снегу старик со старухой, по крайней мере, нам так казалось, что -старики... Она в белой ночной сорочке, он в исподниках... Крестились, неловко прыгали в воду, ныряли с головой и выныривали, потом он первый поднимался по обледеневшей деревянной лесенке, протягивал ей руку и вел к саням, запряженным заиндевевшей лошадкой. Брал тулуп, укутывал свою пару, усаживал, доставал из соломы бутылку и стакан, наливал ей, она выпивала, после, не торопясь, пил он сам и только потом на голое тело тоже надевал тулуп, падал в санки, и над стоящими вокруг «Иордани» раздавался поначалу истонка-резкий, но все набирающий мощи такой громкий свист, что и много лет спустя, когда брал в руки сказания об Илье Муромце и доходил до встречи его с Соловьем-разбойником, вспоминал Отрадную, Уруп, детство, крещенский холод и этот свист над головами собравшихся вокруг проруби – лошадка тут же буквально взвивалась и уносила закутанных в тулупы деда и бабу...

Куда?..

Кто бы знал тогда, что – в это моё повествованье.

Милое мое, несчастное, и тогда хранившее традиции казачье!

Наведываться к проруби мы начинали еще накануне: интересно было смотреть, как долбят ломами лед, прорубают канавки, деревянными лопатами выгребают на закраину ровные, похожие на гигантские кирпичи, синеватые крыги льда. Лед аккуратно складывали на брочки и увозили в темный подвал «пищепромовского» склада, где из него вдоль каменных стен выкладывали просторную холодильную камеру. Отдельно от неё была глубокая яма, дно которой выстилали соломой: тут хранился лед на лето – для будок с ситро и тележек с мороженым.

Почему это знаю, здесь работал кладовщиком мой старший тезка – дед Гурка Бледнов, Гурий Иванович, бывший какое-то время станичным атаманом уже при красных и потому, судя по всему, уцелевший.

Однажды перед самым крещеньем мы с мальчишками опять прибежали сюда поглядеть, как готовят прорубь. Еще с вечера мороз придавил так, что над станицей простерлась звонкая синева. Над пробитой раненько утром полыньей курился легкий парок.

Само собою, от холода мы то грудились в кучку и начинали «жать масло», то, подпрыгивая на одной ножке, бились плечами.

Один из возчиков оторвался от работы, сочувственно спросил:

– Морозяка?

Кто-то из нас охотно откликнулся:

– Еще бы, дядь!

– Да-а, – протянул он загадочно. – В крещенский мороз каких чудес не бывает. Амбарный замок аж звенит, так настынет, а тронь его языком – на мелкие крошки развалится...

– А почему языком, дядь?

– Разница температур, – сказал он значительно. – Язык жишь, он – горячий.

Мы переглядывались:

– А правда, дядь? Ут интересна-а!..

– Или даже вот возьми обод на колесе, – продолжал он завлекать. – Стальной, а приложи язык – тожить лопнет!

Надо же мне было заботливо спросить:

– А вас не заругают?

Он как будто даже вздохнул:

– Эх, ладно! Как-нибудь отбрещусь – пойдем!

Мимо закуржавевших лошадок прошли к его брочке. Помню, я его напоследок спросил:

– А правда, – не жалко, дядь?

– Я-то перетерплю, – сказал он неопределенно. – От ты как?.. Не скажешь никому?

– Я?!

Высунул язык и наклонился над колесом...

То, что от боли заорал, это точно, но этого момента не помню, зато и нынче вижу отчетливо прилипший к стертому до блеска стальному ободу густой, сердечком, налет: прикладывался старательно. А то вдруг да не лопнет?

Дома ничего не сказал, но когда за обедом, забывшись, хлебнул горячего борща и невольно взвыл, ко мне пристали с допросом и ободраный язык пришлось обнародовать... Мать ахнула, вышвырнула меня из-за стола, вlepила увесистый шлепок пониже спины и стала судорожно сдергивать с вешалки теплые свои вещи.

Стремительно оделась, сунулась к полке с посудой, схватила каталку. -Да разве так можно – с детьми?.. Разобью об этого дурака!

– Минутку обожди, – отец полез в карман и достал десятку. – Отдашь ему... – Ты его знаешь? – удивилась мать.

– Какая разница, все равно я ему должен, – невозмутимо сказал отец и ткнул в меня пальцем. – Дурак – вот он. Скажи спасибо, что человек научил его!

Эх, кабы!..

На днях, горько посмеиваясь над собой, снова вспомнил о недавно придуманной форме романа, традиционное течение которого прерывает все набирающая уже явно опасного темпа жизнь наша: ну, уж с такими неожиданными событиями, с такими по всему свету выкрутасами.

Сокроман, помните?

Сокращенный роман. Заодно – сокровенный.

Радостно, что кроме печали в этих фортелях, в этих выходках, в этих вывихах, в завихрениях судьбы, нет-нет, да встречаются тайные знаки, как бы подарки из далекого-далекого далека... Или все это тут, рядом?

То вдруг приснится, то увидится наяву... что это? Что они значат, эти западносибирские сны?